

Кристина Рой

Прочавшие

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Перевод с немецкого

Kristina Roy
«Die Verlorenen»

К. Рой

Пропавшие

Пер. с нем. — Корнталь: «Свет на Востоке», 1999. — 176 с.

Перевела с немецкого Луиза Герман
Редакторы О. Янкелевич, Н. Пимоненко
Корректор М. Романова
Художник О. Зверева
Компьютерная верстка А. Кодака

© Русское издание:
«Свет на Востоке», 1999.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Наше издательство «Свет на Востоке» продолжает публикацию произведений словацкой писательницы Кристины Рой (1860—1937). Сегодня читательский спрос на христианскую художественную литературу весьма велик, поэтому мы подготовили к изданию новую серию из восьми книг, среди которых есть и автобиография под названием «И стал Свет». Надеемся на то, что читатель, уже знакомый с некоторыми произведениями К. Рой, с теплотой воспримет и эти работы, впервые издаваемые на русском языке.

ДОРОГА В НЕБО

Когда читаешь рассказы К. Рой, попадаешь под обаяние ее искренности. В своей писательской манере она многое переняла от проповедей Христа: афоризмы, вопросы, логические доводы, традиционные формы священной библейской поэзии, притчи. Ее афоризмы звучат мягко, они как будто окутаны дымкой печали («Ах, в мире нет блаженства без примеси горечи»; «Иногда дни летят, как мысли, а недели — как сон»; «Настоящая любовь уходит с нами в вечность»), а рассуждения героев логичны и полны житейской мудрости.

Несмотря на то, что писательский стиль К. Рой формировался под влиянием романтизма, в ее книгах описывается повседневная жизнь простых людей. Герои выращивают и собирают урожай, косят траву, пасут скот, ходят в лес за грибами и ягодами, плотничают, ведут домашнее хозяйство, занимаются рукоделием, нанимают работников и сами работают в кузницах и на мельницах. Но главное, что находится в центре внимания писательницы, — это внутренний мир ее героев. Она

умеет посвятить нас в тайны их души, и мы знаем, о чем они думают, что чувствуют, о чем говорят в молитвах. Религиозности, подчиненной обычаю, К. Рой всегда предпочитает искреннюю беседу с Богом, когда открывается все, что лежит на сердце. Ее героини молятся простыми словами, с любовью и доверием, слова иногда переходят в стихи, ярче всего отражающие их переживания.

Библейская притча — органичная часть многих рассказов К. Рой. Притча о заблудшей овце, включенная в такие произведения, как «Счастье», «Три друга», заостряет наше внимание на отношении Бога к отдельно взятому человеку. Характер этих отношений проиллюстрирован в рассказе «Без Бога на свете», где овечка является объектом особой любви и постоянной заботы главного героя — мальчика Мартынка, сироты, пастушка «с красивым загорелым лицом и большими темными глазами», а сам он оказывается «овечкой», найденной Пастырем Иисусом. «Одно нехорошо, — говорит Мартынка женщинам перед своей смертью, — жил я на земле без Бога, а вы ничего не рассказывали мне о Нем...» По глубокому убеждению писательницы, жить без Бога — большой грех. Поэтому жизнь ее маленького героя, узнавшего о Хрис-

те, превращается в одно постоянное ожидание Его прихода. Смерть для Мартынок — это последняя ступенька к Богу. В конце рассказа не говорится, что мальчик умер. «Он ушел в тот далекий край, о котором мечтал на земле. Он нашел Бога, и Бог нашел его».

Дети — любимые герои К. Рой. Она хорошо понимает, что имел в виду Спаситель, когда говорил ученикам: «Будьте, как дети». Открытость и доверчивость детской души есть образ доверия человека своему Небесному Отцу. Доверие ее маленьких героев Богу и верность Ему беспредельны. Поэтому в рассказах писательницы дети — цельные личности.

События рассказа «Мальчик-рыбак из Галилеи» переносят нас во времена последних лет правления царя Ирода. Два старших друга маленького Ионафана — Манассия и старик Иаков — понимают слабость своей веры, когда видят, как горячо верит Ионафан в то, что Сын Божий не был убит в Вифлееме.

Христос говорит: «Не бойся, только веруй». Но страх пережить разочарование останавливает старого Иакова, а Манассию сдерживает клятва верности, данная Иоанну Крестителю. И только серд-

це мальчика-рыбака сразу и навсегда принимает Христа. В конце рассказа, когда Ионафан приносит Иисусу «дар детской любви» — хлеба и рыбки, совершается самое важное событие в его жизни: он встречает долгожданного Мессию.

В основе рассказа «С ним был Бог» лежит библейская история об Иосифе и его братьях. Размышления писательницы о преобразении главного героя становятся особенно волнующими, когда она говорит о результате внутренней борьбы в Иосифе и его отказе от «ветхого человека» в себе. Иосиф произносит слова: «Да будет воля Твоя!». «И на этом Бог завершил его воспитание», — пишет К. Рой. Она не скрывает, как труден отказ от себя даже во имя Бога, даже ради обретения себя в Боге в более высоком качестве. Иначе, по мнению писательницы, и не может быть. Ведь зло живет в самом человеке: воля к господству, подавлению и насилию дремлет на дне души, готовая в любой миг вырваться наружу.

Все творчество К. Рой наполнено ее желанием помочь нам избавиться от нравственной слепоты. На страницах рассказа «С ним был Бог» писательница вступает в очень личную и откровенную беседу с читателем, с «дорогой душой», обнажая глу-

бинный смысл происходящего, заглядывая в будущее и предостерегая от непоправимых ошибок.

Труден путь заблудшего человека к Богу. И, усиливая эту мысль, герои К. Рой странствуют, скитаются, страдают от непонимания и одиночества. Писательница переживает за них, заставляя переживать и нас, переживать не только и не столько за литературный персонаж, но за каждого человека, отвернувшегося от Бога и потерявшего дорогу к своей Небесной родине.

Творчество К. Рой оптимистично. Герои ее рассказов обычно находят Бога, как нашла Его и сама писательница. С тех пор ее жизнь и творчество посвящаются Тому, Кто взял на себя ее грех, подарив прощение и вечную жизнь. «Жить для Иисуса, с Ним умирать» — и сегодня мы поем ее гимн, наполняющий наши сердца утешением и желанием трудиться для Него, как трудилась К. Рой.

Татьяна Лимаренко

*ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ
СОКРАЩЕНИЯ*

Быт. — Бытие (Первая книга Моисеева)

Исх. — Исход (Вторая книга Моисеева)

Втор. — Второзаконие (Пятая книга Моисеева)

Пс. — Псалтирь

Ис. — Книга пророка Исаии

Иер. — Книга пророка Иеремии

Иез. — Книга пророка Иезекииля

Мф. — Евангелие от Матфея

Лк. — Евангелие от Луки

Ин. — Евангелие от Иоанна

Рим. — Послание римлянам

1Кор. — Первое послание коринфянам

Отк. — Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)

Глава 1

Етояла чудесная весенняя пора, пели соловьи, все было в цвету. Земля нарядилась, как невеста для встречи жениха. Красота царила всюду, но окрестности мельницы Зарадски казались просто раем, созданным когда-то для Адама и Евы. За мельницей зеленел горный склон, а у его подножия текла прозрачная река, подобная потоку жизни. По обе стороны реки раскинулись луга, окаймленные лесом.

Старую мельницу обновили и достроили. Хозяйкой на мельнице была по-прежнему старшая Зарадски, хотя она уже переписала свое владение на единственного сына. Женщина строгих правил, трудолюбивая, не терпевшая бездельников, она была из тех людей, кто думает, что их жизни на земле не будет конца.

Каждое воскресенье Зарадски ходила в церковь. В общем хоре всегда выделялся ее громкий голос. Но слушая проповедь, она

дремала, возможно, устав от тяжелых будней. Мельничиха помнила наизусть много стихов из Священного Писания, но никто не интересовался тем, во что именно она верила.

Рано овдовев, Зарадски (хотя многие приходили ее сватать) одна воспитывала «в страхе Божьем» сына и дочь. Теперь дочь была замужем за богатым крестьянином. Девушка не противилась воле матери, хотя сердце ее принадлежало бедному парню, работавшему когда-то на мельнице. И вернувшемуся с военной службы сыну мать нашла богатую невесту из соседнего села. Мельничиха знала, как заставить сына повиноваться, и после долгих уговоров и угроз он согласился жениться.

Сыграли свадьбу, и на мельнице началась новая жизнь. Но какая это была жизнь!

Томас Зарадски не скрывал, что молодая жена ему в тягость. Из Библии он усвоил лишь слова: «...он будет господствовать над тобою»¹, не продвинувшись в чтении дальше первых глав. Поэтому Библия, доставшаяся Томасу от деда, выглядела совсем новой, словно только что купленная.

Шестнадцатилетнюю Еву постигла участь многих женщин, на которых женились по расчету. Робея, она старалась угодить мужу и свекрови, но те оставались неприветливыми, и девушка совсем пала духом. Работать приходилось за двоих. От тяжелых мешков и вязанок дров словно обрывалось что-то внутри, но муж со свекровью только упрекали за нерасторопность.

А сердились они на девушку оттого, что приданое, как оказалось, было не столь велико. Мать Евы обманула мельничиху. Томас ссорился из-за этого с матерью и вымещал досаду на жене. И неудивительно, что в живописном уголке, напоминавшем рай, так часто звучали жалобные стоны.

¹ Быт. 3:16.

Весенним воскресным утром мельничиха с сыном спешили в церковь. Пастух гнал скот на пастбище, мальчик бежал к реке ловить рыбу, а у плотины сидела молодая женщина, напоминавшая увядший цветок. Непричесанная, кое-как одетая, она словно застыла от боли. Ее взгляд был прикован к воде, а руки прижимали к груди детский чепчик. Только накануне похоронила она свое крохотное дитя, а с ним — все надежды, всю радость.

Ева пыталась утешить себя, говоря, что на небе маленькой дочери будет лучше и никто никогда не будет ее мучить. Но куда Еве идти со своим горем? С кем поделиться?

«Ты радуйся, что девочка умерла, ведь она родилась такой слабенькой. Зачем тебе плакать о ней? — уговаривала свекровь. — Она не смогла бы выжить в этом мире!»

Никто из близких не сочувствовал Еве, никто ее не любил. Цветы увядают без солнца, а человек — без любви. Ведь Бог создал людей для любви!

«Для чего мне жить, — думала Ева, — если умерла та, которую я любила?» Она прижала

крохотный чепчик к лицу. Сколько часов провела она за шитьем! А маленькая дочурка взяла с собой только одно платьице...

В отчаянии смотрела молодая женщина на воду, как вдруг подумала: «А почему бы мне не умереть? Река здесь глубокая, стоит только броситься в воду, и меня унесет к доченьке! Может быть, меня потом найдут и похоронят рядом с ней, ведь никто не будет знать, что это произошло не случайно».

И вспомнив, как часто, поднимаясь до зари и испытывая лишь одно желание — хотя бы раз выспаться, Ева опять подумала: «О, как хорошо было бы умереть!»

Крик петуха вспугнул молодую женщину. «Я все сделаю, — прошептала она, — а потом... Ах мама, мама, какой груз ты взвалила на меня. Ой, какой у меня вид! Я помню сестру: ее вымыли и одели во все чистое, прежде чем положили в гроб. Мне тоже нужно переодеться...»

Мысли о близкой свободе придали Еве сил. Она накормила кур, навела порядок во всем доме и на чердаке. Потом умылась, расчесала и заплела волосы, надела праздничное платье. К плотине Ева почти бежала. Но уже стоя у

воды, она вдруг словно услышала чей-то голос: «Что ты делаешь, Ева?!» Она оглянулась в испуге — вокруг не было ни души. И тут молодая женщина почувствовала, что совершает грех. Ева знала мало о Боге. Учитель в школе, куда она ходила только две зимы, научил детей хорошо читать и немного писать, но о Боге никогда не упоминал. В двенадцать лет девочка стала посещать занятия в церкви перед конфирмацией, но из того, что слышала, ничего не поняла и не запомнила. Все думали, что она просто стесняется. Позднее непонятными были для нее и проповеди, впрочем, как и для многих других. Потом началась безрадостная замужняя жизнь, и не было никого, кто привел бы девушку к Божьему свету. Но всем своим существом Ева чувствовала, как чувствуют и язычники, — Бог есть. И в этот миг она вдруг ощутила Его присутствие. Накануне Ева слышала песню о том, что дети, жившие по воле Божьей и умершие в Господе, блаженны. «А если я утоплюсь, будет ли это по воле Божьей? — спрашивала себя несчастная женщина. — Но я не могу больше жить, не могу! Вечером Томас вернется пья-

ный, будет бить меня, а свекровь подгонять в работе. А у меня нет сил! Неужели Бог не хочет, чтобы я освободилась? Разве Он так жесток?» Растерянным взглядом обводила она лес, реку. «А если после смерти я не встречу доченьку? Я убежала бы хоть в ад — хуже, чем здесь, не может быть нигде. Но там ее нет. Таких маленьких детей Бог берет к Себе. О, если бы мне знать, хорошо ли ей там!»

С тех пор, как Ева поверила, что дитя ее у Господа и избавлено от всех бед, Бог стал ей ближе. И ей вдруг захотелось поговорить с кем-нибудь о Боге.

...Послышались шаги. Пастух пригнал скот и искал хозяйку. Это был рослый парень с изуродованным старыми шрамами лицом. С детства его содержала община, в школу он никогда не ходил. Ева редко обращала на него внимание и радовалась тому, что он глуповат, — можно было его не стыдиться, когда ее бранили при нем.

— Ты уже был дома, Георг? — спросила Ева, чтобы что-то сказать.

— Да, сегодня коровы что-то плохо паслись, — пожаловался он. — Когда я возвра-

щался, мне показалось, что вы меня ждете.
Куда вы собрались?

— Ты о чем? — вздрогнув, спросила Ева.

— Вы ведь одеты по-праздничному.

— Да, я хотела уйти, но теперь раздумала, — ответила она печально.

— А почему? Вы в гости собирались?

— Да, хотя бы туда схожу.

— А куда вы прежде хотели идти? — спросил он удивленно.

Ева показала на воду, и он, хотя его считали глупым, все понял.

— Туда вам нельзя, — сказал Георг, подавшись вперед, словно хотел заслонить собой реку. — Однажды я видел цыганку утонувшую... Глаза раскрыты, зубы оскалены, все тело распухло.

— Но она уже не чувствовала боли, — дрожа всем телом, прошептала Ева.

— Откуда нам знать? Ведь никто из самоубийц не возвращался, чтобы рассказать, как им там живется.

— Ах, Георг! Как бы мне хотелось это узнать... — со слезами проговорила Ева.

— Мне тоже.

— Я часто думаю о том, что с нами будет, когда мы умрем.

— Когда человек спит или без сознания, он ничего не чувствует, душа его далеко. Знаете, я думаю, что и в смерти душа уходит далеко. Но куда? И что ее там ждет? Если бы кто-нибудь мог рассказать...

Георг замолчал, и они долго стояли над плотиной в лучах солнца. Долина словно рассказывала им о рае, который Сын Божий обещал разбойнику на кресте. Вода шумела у их ног, как бы приглашая: «...Желающий пусть берет воду жизни даром»¹. Они жили в христианской стране, но не знали Того, через Которого все совершилось, — Иисуса Христа из Назарета.

— Георг, ты когда-нибудь читал о Боге? — нарушила молчание Ева.

— Нет, знаю только то, что слышал от людей. Если бы меня научили, я мог бы читать ту большую книгу, что лежит в вашей комнате на шкафу. В ней, должно быть, много написано о Боге.

¹ Отк. 22:17.

— В той книге? — оживилась Ева. — Тогда мы достанем ее и прочтем.

— Правда? Хотите, я сбегаю за ней?

— Конечно! Только оставь все, как было, чтобы ничего не заметили, и дров подложи в печь, — попросила она.

Почувствовав усталость, Ева присела в тени и опустила голову на руки. На сердце у нее стало легче.

Георг вернулся с книгой, и Ева бережно раскрыла ее в том месте, где лежала закладка. Как она волновалась, надеясь хоть что-нибудь узнать о Боге, Который взял к Себе крохотную дочку! *«Ибо — так — возлюбил — Бог — мир, — что — отдал — Сына — Своего — единородного, — дабы — всякий — верующий — в — Него — не — погиб, — но — имел — жизнь — вечную»*¹, — медленно прочла Ева.

— Послушай, Георг, Бог возлюбил мир!..

¹ Ин. 3:16.

— Там так написано?

— Да! Может быть, Он любит и нас с тобой? — нерешительно спросила Ева.

— Если бы это было так! Меня еще никто никогда не любил, — вздохнул Георг.

— Меня тоже...

Они печально посмотрели друг на друга.

— Но что значит «отдал Сына Своего единородного»? Кому Он Его отдал? Ева, я знаю, есть такая песня, ее поют на Рождество:

*Младенца дал нам вечный Бог,
Нам Сын дан от Него.
Владычества святой залог
На раменах¹ Его.*

Бог дал младенца, наверное, это Сын Божий?

— Конечно, Георг, это Иисус Христос, Сын Божий! Но зачем Он родился? — не успокаивалась Ева. — А вот написано: «Дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но

¹ Рамена — плечи (традиционно-поэтическое). — Прим. ред.

имел жизнь вечную». Но что значит «не погиб, но имел жизнь вечную»?

Оба задумчиво молчали.

— Знаете, — начал Георг, — когда что-то теряют, говорят — пропало. Я думаю, если бы вы прыгнули в воду, — только вы не обижайтесь, — пропали бы для Бога, погибли.

Ева опустила глаза на книгу.

— Георг, пожалуйста, не рассказывай никому!

— Нет, что вы! Ведь я знаю, это от боли...

— Доченька моя для меня здесь тоже пропала, но если бы я ее там нашла, мы были бы вместе. Но мы ведь не с Богом, никогда не думаем о Нем. Может быть, ты и думаешь, а я нет... Поэтому мы и так пропавшие.

Глава 2

Звон колоколов возвещал конец богослужения. Ева встревожилась, вспомнив об обеде. Нужно было начинать жить заново! Но как ей, пропавшей, жить, когда дитя ее у Бога, а она так далеко от Него и не знает, как к Нему прийти.

По проселочной дороге люди шли с богослужения, разделившись на небольшие группы. Среди направлявшихся в Подлиповец была и мельничиха с сыном. Бодро вышагивая в своих накрахмаленных белых юбках, мельничиха напоминала плывущий корабль. Вокруг нее теснились соседи и родственники, стараясь заговорить с богатой спутницей.

— Когда господин пастор сказал в проповеди, что мы должны помогать друг другу, я сразу подумала о тебе, Катарина. Ты ведь всем помогаешь, — польстила ей одна из женщин.

— Конечно, кто может сказать, что я когда-нибудь поступала несправедливо, — гордо произнесла мельничиха.

— Послушай, — сказала другая женщина, — а у тебя новый сосед появился. Лесопилка-то в Бочине продана, и, представь, купил ее для лесника Андреаса его сын.

— Что ты говоришь? Михель Мурани? Разве он вернулся?..

— Да, недавно. Но лесопилку он купил еще раньше. Она уже записана на старика.

— А почему Михель не записал ее на свое имя? Где это видано — на старика! Сегодня он жив, а завтра — нет.

— Никогда еще не было такого в деревне, — согласилась эта женщина.

— А вы уже видели Михеля? — поинтересовалась мельничиха.

— Нет, Мартин наш встретил его в Липовце, когда покупал там лес. Но от Мартина ничего не добьешься. Даже не поглядел, хорошо ли одет Михель. Заметил только, что носит бороду и разговаривает приветливо. Узнать бы, женат ли он! Появился-то он один. Старички живут еще в своей хижине, а он на лесопилке устраивает им жилье. Сказал бы кто старику, что из всех детей именно Михель будет заботиться о нем в старости, — не поверил бы. Непослушный был мальчишка! Уж сколько лесничиха бедная слез пролила, когда он сбежал! И ведь все эти годы от него не было ни слуху, ни духу.

Подошли к развилке, теперь только трем женщинам было по пути с мельничихой.

— Посмотри, тетя, — указала младшая из них на дорогу, — Анна тебя ждет.

— А я и не знала, что она была в церкви, — удивилась мельничиха.

— Как она хорошо одета! — вздохнула другая женщина. — Ленты все шелковые.

— А почему бы и нет? Она ведь не с пустыми руками пришла в дом. А с тех пор, как умерла ее свекровь, Анна сама прекрасно ведет хозяйство, — с гордостью проговорила мельничиха, любясь дочерью. Синяя жилетка, розовый передник из блестящего шелка, бледно-голубой шелковый платочек, белые батистовые рукава и пышная юбка — все подчеркивало ее красивую фигуру. Но выражение молодого цветущего лица было недоброе. Немного поодаль стоял муж Анны, высокий худощавый мужчина лет тридцати с добродушным лицом. Грубые мозолистые руки выдавали в этом человеке настоящего работника.

— Матушка, приходи к нам сегодня, — поздоровавшись, пригласила дочь.

— А почему ты меня вдруг приглашаешь? — удивилась мельничиха.

— Просто так.

— Вы уже давно не были у нас в гостях, — добавил муж Анны. — Пусть и Томас с Евой приходят.

— Ты что говоришь? — нахмурившись, обратилась к нему Анна. — Зачем нам Ева? Пусть Томас один придет, с ней все равно ни о чем не поговоришь.

Пообещав прийти, мельничиха попрощалась с дочерью. По дороге ее догнал Томас. Обычно после церкви он шел с приятелями в пивную и возвращался домой к вечеру. Но сегодня его никто не пригласил, ведь накануне он похоронил ребенка. Самого Томаса смерть дочери вовсе не печалила. Отцовство было ему не в радость. Был бы хотя бы мальчик... Мельничиха взглянула на сына, который чертами лица походил на сестру. Все движения молодого статного мельника выдавали в нем недавнего солдата. Синевато-серый костюм, напоминавший мундир, был ему очень к лицу. Хороша была бы и офицерская фуражка на золотистых кудрях. Когда Томас улыбался, он был по-настоящему привлекателен. Недаром мельничиха гордилась сыном. Но сейчас он казался недовольным всем на свете. Давно уже мельничиха поняла, что не стоило навязывать сыну невесту. Что и говорить, Ева ему не пара и не может его осчастливить.

«И почему она не умерла? Ведь за ней почти и не ухаживали, а все-таки выжила. И ходит теперь по дому, как привидение».

— Анна с Мартином приглашали зайти к ним после обеда, — заговорила мельничиха с сыном, уже подходя к мельнице.

— Это еще зачем? — пробурчал Томас.

— А почему бы нам не посидеть вместе? Я обещала, что придем. — В ответ Томас только пожал плечами.

— Ты уже слышал про Михеля?

И мельничиха поведала все, что узнала от женщин про лесопилку и ее нового владельца. Затем предложила сыну:

— Если мимо сейчас пойдём, зайти спросить, не распилит ли он нам тот большой дуб?

— Вот еще! Пойду я к ним, как старая любопытная баба! Будто мне некого послать!

Ответ сына не понравился мельничихе, но она, не показав виду, спокойно продолжила разговор.

Ева заметила издали возвращавшихся мужа со свекровью и быстро накрыла на стол. За обедом мельничиха с сыном продолжали прерванную беседу, не достаивая Еву

вниманием. Отобедав, старшая Зарадски ушла в хлев, а Томас прилег в саду отдохнуть в тени деревьев.

Радостным лаем встретил Анну с Мартином их дворовый пес. Правда, не успел он лизнуть в лицо хозяина и подбежать к хозяйке, как раздался окрик Анны. Ведь собака распугала ее любимцев — утят и цыплят. Подбирая юбки, Анна старалась пройти на кухню не запачкавшись. Но сделать это было нелегко — всюду во дворе были грязь и лужи. Да и на кухне, недавно побеленной, было не очень чисто. Птицы разгуливали и здесь, а кроме них тут обитали черные кролики, которым не хватило места в хлеву.

В доме молоденькая няня укачивала полугодовалую девочку, как две капли воды похожую на мать. Отец склонился над кроватью, и девочка протянула к нему ручонки.

— Ты не спишь, Анечка? — ласково заговорил Мартин. — Тебя даже не умыли, и рубашечка вся грязная.

Сняв пиджак и шляпу, он взял девочку на руки и через сад спустился к реке.

— Вот я ее и умыл, — сказал, вернувшись, Мартин жене. — Дай нам чистую рубашку переодеться.

— Оставь меня в покое! Ты же видишь, я обед готовлю. Няня вам все даст.

— Анна, почему ты сразу злишься? Нехорошо ведь, когда ребенок такой грязный.

Негодующе посмотрев на мужа, Анна отвернулась. Мартин сам переодел дочку и вышел с ней в сад, чтобы не мешать жене готовить угощение.

Если бы Мартина спросили, счастлив ли он, он удивился бы вопросу. Ведь у него было все для счастья: и богатство, и здоровье, и красивая жена. Правда, Анна вышла замуж не по любви, но зато Мартин любил ее всем сердцем и старался быть снисходительным. Любил он и дочку. Но иногда на душе бывало тяжело. Огорчала холодность жены, ее равнодушие к ребенку. Ведь Анна часами могла заниматься своими птицами, оставляя девочку няне. Если Мартин осмеливался пожурить свою жену, то заканчивалось это печально. И ни в чем не находили они согласия. Если Мартину нравилась ско-

тина — Анна и видеть ее не могла, приходилось продавать. Все работники, которые были ему по душе, не устраивали жену. Мартин боялся, что вернушемуся после службы младшему сводному брату не будет житья в доме. А ведь его не выпроводишь, как любого работника, не приглянувшегося Анне, так как нужно было бы отдать ему причитающуюся долю имения.

Но на этот раз предчувствия обманули Мартина. Жена встретила брата очень приветливо. И вот уже несколько недель, как Йозеф вернулся, а в доме все было спокойно.

Мартин задремал, и приснилось ему, что жена с братом косят траву. А потом Анна собрала завтрак и так мило улыбнулась Йозефу, что даже во сне Мартин порадовался.

Прислуга и няня прибирали в доме. Анна постелила чистую скатерть и сама принарядилась. Она все еще одевалась, как невеста, во все бело-розовое, темного в наряде был только широкий синий передник — чтобы не запачкаться у плиты.

Не успела Анна опустить последний кусочек теста в кипящее масло, как дверь распахнулась, и на пороге показался красивый молодой человек. Хозяйка покраснела до корней волос.

— Йозеф, ты уже дома! — воскликнула Анна.

— Как видишь, — Йозеф крепко пожал протянутую ему руку. — Ты, наверное, печешь это к моему возвращению?

Они долго смотрели друг другу в глаза.

— Я не знала, что ты так быстро вернешься. Зато теперь я угощу тебя самым первым, — радостно сказала Анна, и голоса ее было не узнать. — А почему ты так рано?

— Нашел подводу, на которой привез машину. А разве ты не рада, что я поторопился?

— Ну что ты, нам так тебя не хватало!

Посыпав печенье сахаром, Анна придвинула вазочку Йозефу.

— Угощайся, пока я приготавливаю обед.

— Не спеши. Налей мне только немного молока к печеню, я не голоден.

Насвистывая и перепрыгивая через ступеньки, Йозеф поднялся на чердак, чтобы переодеться. Анна принесла ему воды умыться. Наверное, мужу не понравилось бы, что она так ухаживает за Йозефом. Но Мартин крепко спал. Разбудили его только к приезду гостей. И теперь при виде оживленных брата и жены, наряженной малышки радости Мартина не было границ. Вот когда он ответил бы, что вполне счастлив.

Глава 3

Ева долго смотрела вслед мужу и све-
крови, потом окинула взглядом пустую комнату. Уставшая от одиночества, она пошла бы в гости к Анне с Мартином, хотя бывать у них не очень любила. Но никто и не обмолвился о приглашении. Она еще острее почувствовала обычное пренебрежительное отношение к себе, и детский плач все еще слышался несчастной матери.

Можно было бы пойти на кладбище, но дом не оставишь без присмотра.

Если бы с ней был Бог!.. Но она пропавшая. Никогда еще Еве не было так безнадежно одиноко. Тоска сжала сердце, и некуда было бежать от этой тоски. «Может быть, Библия меня утешит», — вдруг подумала она. Но в доме читать не хотелось, и Ева пошла к реке. Две горлицы опустились рядом с ней на траву. «Вот и птички все по парам, только я одна! Муж оставил меня в этой горе... И зачем только я живу на свете!»

Еве вспомнилось, как однажды она вышла в сад разбудить Томаса, как склонилась над спящим мужем и положила дрожащую руку ему на плечо, как ждала всем существом ласкового взгляда, готовая прильнуть к его груди. Но Томас проснулся и грубо оттолкнул руку жены.

Даже воспоминание заставило Еву внутренне сжаться. «Видеть никого больше не могу!» Она раскрыла Библию. Но не было в книге утешения, все было таинственно и недоступно. Но вот встретились Еве такие слова: «...Итак, познай и размысли, как худо и

горько то, что ты оставил Господа, Бога твоего, и страха Моего нет в тебе, говорит Господь Бог Саваоф. Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды. Посему хотя бы ты умылся мылом и много употребил на себя щелоку, — нечестие твое отмечено предо Мною, говорит Господь Бог»¹.

«Нет во мне страха Божьего, — думала Ева, — оставила я Бога. А Он утешил бы меня. Но не умыться мне теперь, и Он не простит меня». Молодая женщина боялась перевернуть страницу, чтобы не прочесть еще более страшные проклятья. Погруженная в горькие раздумья, она не слышала приближающихся шагов. Вздвогнув от неожиданности, Ева подняла глаза, полные тоски, на незнакомца, приветствовавшего ее. В его взгляде была какая-то необыкновенная теплота.

Незнакомец, одетый, как горожанин, спросил с улыбкой:

— Вы читаете слово Божие?

¹ Иер. 2:19,13,22.

Ева несмело кивнула, а сердце ее забилося от радости. Молодой человек сел на траву, словно угадав желание Евы. Сняв шляпу, он заговорил:

— Я слышал, у вас горе. Вы вернули первенца Небесному Отцу.

«Как хорошо он это сказал», — подумала Ева. Разговаривая с этим человеком, она не испытывала своей обычной застенчивости.

— Да, у меня умерла доченька.

— Я всем сердцем сочувствую вам. Но Христос сказал: *«Печаль ваша в радость будет»*.

— Только не моя, — едва слышно произнесла Ева.

— Позвольте, я прочту вам обетование из Библии.

Как жаждущий на источник воды, смотрела Ева на Священную Книгу. Незнакомец читал:

— *«...Веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: "Я иду приготовить место вам". И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб*

*и вы были, где Я»*¹. Вот видите, в доме Бога много места. Он взял к Себе вашу дочь, возьмет и вас, и вы встретитесь. Ведь это чудесно! Я был бы безутешен, если бы не был уверен, что и мой первенец у Господа.

— У вас тоже умер ребенок? — сочувственно спросила Ева. — Но вы с ним обязательно встретитесь, ведь вы не пропавший, как я...

— Слава Богу, я не пропавший, Он нашел меня.

В глазах незнакомца Ева увидела искреннее сочувствие.

— Может быть, это вы нашли Его? — спросила она.

— Вот что написано: *«...Меня нашли не искавшие Меня, Я открылся не вопрошавшим о Мне»*².

— Не понимаю, — вздохнула Ева.

— Не понимаете? Представьте, что у вас пропал любимый ягненок. Вы ищете его, зовете, а он и не думает о вас. Но вот он услышал ваш голос и бежит вам навстречу. Об этом и сказано: *«Меня нашли не искавшие меня»*.

¹ Ин. 14:1-3.

² Рим. 10:20.

— А что вы делали, чтобы Бог вас нашел?

Незнакомец стал листать Библию.

— Мне некого об этом спросить, — словно извиняясь, проговорила Ева. И вдруг почувствовала такое доверие к молодому человеку, что обо всем поведала ему: и о разговоре с Георгом, и о стихе *«Ибо так возлюбил Бог мир...»*, и о том, как ощутила она свою потерянность. Выслушав признание, незнакомец в ответ прочел: *«Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него»*¹. И еще: *«Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»*². Господь Сам сказал: *«Потерявшуюся отыщу и угнанную возвращу, и пораненую перевяжу, и большую укреплю...»*³. Вот видите, Он меня любил, еще когда я был пропавшим грешником. Он искал и нашел меня, блудного сына. Он перевязал мои раны. Господь и вас любит и ищет: *«Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные... и найдете покой душам вашим»*⁴.

¹ Ин. 3:17.

² Лк. 19:10.

³ Иез. 34:16.

⁴ Мф. 11:28,29.

— Ах, я бы побежала к Нему, если бы только знала куда! — Ева всплеснула руками.

— Вот, — незнакомец смотрел в небо, — Он там, Он все видит и слышит. И Он ждет вас. Расскажите Ему обо всем, что у вас на сердце, и Он найдет вас. Ведь Господь так любит вас, что умер за вас.

Ева подняла глаза к яркой синеве и долго оставалась неподвижна. Потом, оглянувшись вокруг и не увидев рядом чудесного незнакомца, легла на траву. Впервые за многие недели Ева заснула крепким сном. И снился ей добрый Пастырь. «Я тебя нашел, ты Моя, — говорил Он. — Читай Мое Слово, верь ему, старайся исполнять заповеди Мои, и ты придешь туда, где твоя маленькая дочь».

Глава 4

Томас и Йозеф громко спорили за столом. Йозеф неудачно пошутил, и, обиженный, Томас выбежал из дома сестры. Нет, в следующее воскресенье он будет развлекаться, как ему нравится.

Пусть кто-нибудь только посмеет возразить. Он не даст похоронить себя на мельнице! А все из-за жены! И была бы она хорошенькая, так ведь зареванное привидение! Не послушайся он матери... Вот другие хвастаются женами, а он и показаться со своей нигде не может.

Томас остановился. В траве, раскинув руки, словно забыв обо всем на свете, лежала молодая женщина. Томас подошел ближе и невольно вздрогнул. Ева, улыбаясь, спала безмятежным сном. Ее лицо никогда еще не выглядело таким прекрасным. Томас почувствовал комок в горле: «Спит и забыла свое горе». Он вспомнил, как Ева едва шла с кладбища. «Лежит у дороги, как нищенка! Нельзя было оставлять ее одну». И чем дольше смотрел молодой мельник на жену, тем сильнее сжима-

лось у него сердце. «Как же я раньше не замечал ее красоты?! Если бы она всегда так улыбалась, даже Анна не могла бы с ней сравниться». «Жену ты, видно, одной травой кормишь...» — вспомнились Томасу слова одного из приятелей. А ведь, уходя, мать забрала все ключи. Что же она ела? Черствый хлеб? Он нащупал в кармане кусок пирога, который Мартин уговорил взять для Евы. «Мартин подумал о ней, а я, муж...» При мысли о том, что сказали бы люди, увидев здесь Еву, Томас схватился за голову. Нужно было разбудить жену. Он негромко позвал ее, и Ева проснулась. Ее большие темные глаза светились радостью.

— Пойдем, что же ты здесь лежишь, — тихо сказал мельник и увидел, как взгляд жены потух. Так тяжело ему стало на сердце от этого, что, не дожидаясь, пока Ева поднимется, он пошел в сторону дома. Пройдя несколько шагов, Томас обернулся. Ева стояла у воды и, прижимая к груди книгу, похожую на песенник, смотрела на небо. Она была так же прекрасна, как во время сна. Почувствовав

на себе взгляд, она вся словно сникла и пошла вслед за мужем. Молча подошли они к дому.

Томас сел на срубленный орешник и протянул Еве пирог.

— Возьми, это тебе от Мартина Лани, — сказал он непривычно мягко. — Ну что ты так смотришь?

— Ты никогда не угощал меня. Спасибо.

Ева села поодаль и принялась есть пирог. Томас наблюдал за женой, казалось, она не была голодна.

— Чем ты занималась все это время?

— Читала у реки, — едва слышно сказала Ева.

— Песенник?

— Нет, Библию.

«Утешения она ищет», — пронеслось в голове у Томаса.

— Ты не должна так горевать, — против воли строго проговорил он. — У других тоже умирают дети.

— А я и не буду, ведь доченьке там лучше.

Слова жены больно кольнули Томаса.

— Ты обиделась, конечно, что мы не взяли тебя к Лани...

— Но мне там нечего делать. Анна меня терпеть не может, как и вы.

— Нечего меня в этом упрекать, — изменившимся голосом сказал Томас, но тут же заметил, как Ева прижала к груди книгу, словно надеясь найти в ней защиту, и ему стало стыдно.

— Ты же знаешь, отчего все так, — уже мягче начал он. — Если бы вы с матерью нас не обманули... но как только я тебя вижу, сразу вспоминаю о том, что дал себя связать.

Ева переменялась в лице.

— Разве я тебя связала?! Ведь я тебя до свадьбы и в глаза не видела! А мать мне никогда не говорила, какое у меня приданое. Я все упрашивала ее не выдавать меня замуж... Лучше бы она меня прогнала... Но твоя мать уговорила, что у вас будет хорошо, я и поверила. Ты-то мне ничего не обещал...

По бледному лицу Евы текли слезы. Томас был ошеломлен словами жены. Все эти два года ее почти не слышно было в доме, и вдруг... И ведь она права!

— Не будем больше об этом. Прошлого не вернешь. Знаю, тебе несладко жилось здесь. Я тебя видеть не хотел, злился, что работа твоя не ладится, — Томас смолк. Он чувствовал, что должен сказать: «Прости меня», но не мог выговорить этих слов.

Измученная, Ева стояла неподвижно, все еще прижимая к груди Библию.

— Я верю тебе, — наконец сказала она, и в голосе ее была такая теплота, с какой не обращалась к Томасу даже мать. — Ведь я боялась вас, и руки у меня опускались. Но теперь все будет по-другому, — Ева улыбнулась. «Это оттого, что я поговорил с ней по-хорошему», — думал Томас.

Они вошли в дом. Ева стала готовить ужин, а Томас все не мог отвести от нее глаз. Заметив, что ведра пустые, он пошел к колодцу набрать воды. Всюду ему чудилось печальное красивое лицо. «Почему я к ней так относился?! Ведь она не сделала мне ничего плохого», — эта мысль не давала Томасу покоя.

Ева вышла во двор за ведром.

— Я сам отнесу, — Томас хотел сказать это приветливо, но получилось резко. Ева словно

ничего не заметила. «Она к этому привыкла», — злясь на себя, подумал Томас.

Вернулась мельничиха, и дом сразу наполнился криком. У коров мало молока, заговорил их кто-то, в стоке два мертвых кролика. Ни на кого нельзя положиться. Поток ругательств обрушился на Еву. словно впервые Томас увидел, как мать обращается с его женой. Ему вспомнились слова: «Твоя мать уговорила, что у вас будет хорошо...».

Бледная, с дрожащими губами, молодая женщина подавала свекрови воду.

— Прекрати, мать! — крикнул Томас так, что обе женщины вздрогнули. — Послала бы лучше за кем-нибудь, кто поможет коровам. Ева, сходи за тетушкой Скулковой.

Ева послушно вышла, но уже в дверях оглянулась на мужа. На сердце у Томаса стало теплее от этого взгляда.

— Вот что я скажу тебе, мать, — начал Томас, оставшись наедине со старой мельничихой. — Не смей над ней издеваться. Таковую-то жизнь ты ей обещала у нас?

Мельничиха на мгновение опешила.

— Это ты мне говоришь?! А сам-то как с ней обращаешься? Кто ей клялся в любви перед алтарем? Не будь она таким чурбаном, рассказала бы людям о твоей любви, то-то бы все удивились! Ребенок, если хочешь знать, такой слабенький был и умер тоже от твоей «любви». Так что ты бы помолчал!

Долго еще старая Зарадски корила сына, не замечая, что Томас выбежал в сад. Он готов был растерзать себя. Ему вспомнился зимний вечер, когда он пьяным вернулся домой. Ева, тогда уже совсем слабая, сбивала масло. Он, прикрикнув на нее, потребовал пахты. И когда она слишком медленно, как ему показалось, стала подавать на стол, он избил ее. Долго потом лежала она без сознания, а ночью раньше срока родился ребенок.

Томас закрыл лицо руками. Как мог он забыть об этом? И ведь он клялся ей в любви в церкви! А она сказала: «Ты-то мне ничего не обещал». И ребенок, его ребенок умер! Томас готов был кричать от боли.

Послышались шаги. В хлев шла тетушка Скулкова, а за ней показалась Ева. Только бы она не остановилась рядом, чтобы не пришлось смотреть в ее печальные глаза!

— Это ты, Томас? — Ева была напугана выражением лица у мужа.

— Только не бойся меня, — впервые со времени свадьбы Томас взял жену за руку.

— Отпусти, мне нужно пойти к матери, — Ева попыталась высвободить руку.

— Никуда ты не пойдешь.

— Что ты! Мы должны ей помочь...

— Нет у коров никакой болезни, я их осмотрел.

Ева не решилась возразить. Ей казалось, она слышит, как бьется ее сердце.

— Послушай, я хочу, чтобы мы жили по-другому, — тихо сказал Томас после мучительного молчания.

— О да! — вырвалось у Евы. — Я все буду делать... — начала она, не глядя на мужа.

— Ты и так послушна, — Томас снова взял ее за руку. — Я хочу, чтобы ты не боялась меня.

— А я и не боюсь.

— Но ведь зимой боялась.

Томас заметил, что Ева дрожит.

— Ты тогда пьяный был...

— Прости меня за то, что я тогда сделал...
прошу тебя!

Если бы земля вдруг задрожала у нее под ногами, это бы не так поразило молодую женщину, как то, что она теперь услышала. *«Ибо так возлюбил Бог мир...»* — вспомнилось ей. Значит Бог подарил и ее мужу частицу Своей любви, раз он говорит ей такие слова! Еще утром, сидя у реки, Ева думала, что никогда не простит, и вот простила...

— Ты простишь меня, Ева? — голос молодого мельника дрожал.

— Бог да простит тебя! А я тебя прощаю, Томас!

Ева убежала, а Томас все бродил по саду до поздней ночи и, только когда все уснули, вернулся в дом.

Глава 5

 круженная фруктовым садом стояла в лесу старая хижина семьи Мурани, скрытая от глаз огромными деревьями. Три поколения Мурани, сменяя друг друга, охраняли господский лес.

Ранним утром старый лесник Андреас колот дрова неподалеку от хижины. Занятый работой, он не заметил, что кто-то идет по тропинке. Красивый молодой мужчина, лет тридцати, просто одетый, подошел улыбаясь к леснику. Первые лучи освещали его лицо, и казалось, солнце любовалось им. Сильными руками он обнял старика.

— Доброе утро, отец! Дай-ка я тебя сменю. От изумления старый лесник выронил топор.

— Михель, это ты!

— Дай же я расколю эту корягу.

— Да это не к спеху, я просто хотел убрать ее с дороги, — отговаривал старик.

Михель рассмеялся и, скинув пиджак, в несколько ударов расколол бревно. Старик с любовью смотрел на сына. Были в его взгляде и уважение, и гордость. Отцы редко смотрят так на сыновей. А ведь Михелю не довелось прежде испытать отцовской любви. В молодости лесник, часто бывая пьяным, бил жену

и детей. Именно Михель вступался за мать, пытаясь одолеть отца. И из дома ушел он, поссорившись с отцом. Стыдно было теперь вспоминать об этом.

Признали тогда Михеля негодным к военной службе. Вернулся он домой нетрезвым, а лесник возьми да и накинься на жену. Схватил Михель отца в охапку и запер на сеновале. Выпустил только утром.

— Уйду я от тебя, отец, — сказал он тогда. — Ты не переменишься. Не мог я раньше с тобой справиться, а теперь вот, может случиться, и убью. Грех это страшный. Лучше уйду, чтобы не видеться нам никогда.

Так он и сделал. Ушел ночью из дома, и долгие годы не было от него вестей. И вот теперь вернулся, кроткий, как ягненок. «Как человек может измениться», — думал лесник. Михель оделся и вслед за отцом вошел в дом.

— Сынок! — бросилась к нему мать. Михель прижал ее к себе, глядя по во-

лосам. Удивительным казалось, что у этой крохотной женщины был такой статный сын, который мог бы поднять ее на руки, как ребенка.

— Мне было там слишком одиноко, мама. Да и работы еще нет, вот я и решил побыть с вами. Ну как вы живете?

— Да мы, слава Богу, здоровы. Вот только не прибрано у нас еще, — сказала старая женщина огорченно.

— Ничего, сейчас мы все сделаем. Погода сегодня хорошая, может, вынести постель проветрить? — и, не дожидаясь ответа, Михель принялся за дело. Старик тоже стал помогать. Мать прибрала в комнате, распахнула окно. Помнила, что сыну это всегда нравилось. Постелила свежую скатерть, положила на стол хлеб. Когда отец с сыном вернулись со двора, все уже было готово. Михель помолился, и все принялись за еду. Не часто на завтрак у Мурани бывало молоко, но сегодня старая хозяйка всем налила, чтобы сын не отказался.

Обычно после еды Андреас выпивал чего-нибудь горячительного, но с тех пор, как вер-

нулся Михель, старик не пил. Неловко было перед сыном, ведь тот стал другим человеком. Родители изумлялись тому, что сын так часто читал Библию и говорил о Боге. И жил он словно в каком-то другом мире.

Теперь за завтраком мать всякий раз обсуждала с сыном предстоящие дела.

Михель хотел отнести завтрак работникам и попросил все собрать.

— Я пойду с тобой, сынок, ведь я с пятницы там не была, — попросила мать.

— Прекрасно! Я рад, что ты пойдешь со мной. А ты, отец?

— Мне нужно вначале в Липовец, там будут лес увозить. А потом я зайду за вами.

— Ну, не будем терять времени. Только вначале прочтем из Слова Божьего.

Михель принес Библию. Затаив дыхание, старики слушали, как сын читал Писание. Иногда он останавливался и подробно разъяснял непонятные места. В этот раз читал он о том, как Иисус увидел Нафанаила под смоковницей.

— Так Бог видит каждого, — сказал в заключение Михель.

Идя потом по лесу, старый Андреас размышлял о том, что Сын Божий видит все его и добрые, и злые дела. Старик был опечален. «Почему же мне никто никогда не говорил, что Иисус всегда видит меня?» — сокрушался он.

Мать с сыном не спеша шли по лесной тропинке. Михель раздвигал кусты и убирал попадавшиеся на пути камни и коряги, чтобы старая женщина не споткнулась. А та и не замечала никаких камней, так счастлива она была, оставшись наедине с сыном. Ей хотелось расспросить его о том, как жилось ему все эти годы. Накануне женщины спрашивали о Михеле, и пришлось признаться, что он ничего не рассказал о себе. Все только о разных странах, а больше всего о Боге. И так складно он рассказывал, что можно было заслушаться.

— Сынок, ты нам еще ничего не рассказал о себе, — осторожно заговорила старая женщина.

— А что тебе рассказать, мама?

— Вот ты один вернулся, а есть ли у тебя там кто-нибудь?

Матери показалось, что вопрос причинил сыну боль.

— Тот, Кто был со мной там, мама, Кто снял камень с моей души и сделал меня счастливым, пришел со мной и сюда.

— Кто же это, Михель?

— Господь Иисус Христос, мама. Он говорит: «*Се, Я с вами во все дни*». Но ты спрашиваешь о моей семье — пять лет назад я женился, и у меня трое детей...

— Правда, сынок? Но как они теперь без тебя?

— Им, мама, хорошо. Они теперь там... — Михель показал рукой на небо.

— Ах Михель... — в голосе старой женщины звучали слезы, — все-таки никого у тебя нет, бедненький мой...

— Есть, мама. Разве от того, что Господь Иисус, Который любит детей, взял их к Себе, я им больше не отец? Я их не потерял, как ты меня однажды.

— Хорошо, сынок, что Господь тебя так утешил. Но ведь ты не можешь с ними увидеться, поговорить. Они тебе даже письма не напишут, и ты никогда о них ничего не узнаешь.

— Одно я твердо знаю, они там, где их «днем солнце не поразит... ни луна ночью»¹, где «не будут терпеть голода и жажды...»², где «...отрет Господь Бог слезы со всех лиц...»³. Не будет у них больше ни боли, ни скорби, и они будут жить вечно. Не плачь, мама, ни о них, ни обо мне. Я знаю, что им там хорошо.

Рассказ Михеля так тронул мать, что она долго не могла успокоиться.

— Мама, у меня были сын и две дочери. Если бы ты их видела, моих златовласых голубок...

— Как ты, наверное, страдал, сынок...

— Помнишь, как мне жалко было двух голубей, которых унес коршун? Что и говорить о той боли, какую я испытал, когда смерть унесла моего сына. Он, бедненький, умер от дифтерии. «Папочка!» — было его последнее слово. На моих руках скончался мой первенец, моя радость, моя гордость! Сколько на-

¹ Пс. 120:6.

² Ис. 49:10.

³ Ис. 25:8.

дежд возлагал я на него! Но этой скорбью Бог изменил меня, и теперь я говорю: Господу хвала и слава за все, и за то, что Он взял от меня детей на время, а не навсегда. Когда потом Он хотел взять у меня моих голубок, все было иначе. Я научился молиться: «Отче мой! Если это не может миновать меня, да будет воля Твоя...».

Михель замолчал, и мать не осмеливалась его расспрашивать. Навстречу шли двое рабочих, и беседа прервалась.

Спустя некоторое время, возвращаясь одна домой, старая женщина все думала о том, что сын так и не упомянул о своей жене. Может быть, она умерла, но тогда сын сказал бы, что и ей хорошо у Господа. А если она жива, то почему Михель вернулся один? Может быть, им не хватило денег на дорогу?

«Он еще все расскажет», — успокаивала себя мать. Лица внучат вставали у нее перед глазами. Многих детей пришлось ей похоронить, но никогда она не думала, что они могут потом где-то жить. А если они у Господа, то, может быть, Он и ее возьмет к себе? Ведь Михель верит в то, что встретится с детьми.

Мать чувствовала, что сын был теперь не таким, как все.

Глава 6

У подножия Липовецкой горы, склоны которой летом были усеяны земляникой, семье Лани принадлежал большой луг. Обычно Лани не сушили траву на зиму, а скармливали ее скоту летом. Спустя две недели после того, как мельничиха с сыном приходили в гости к Лани, Йозеф отправился на луг косить траву. Мартина не было дома, и Анна решила запрячь быков и поехать за травой.

Лес печально шумел, словно вторя переживаниям молодой женщины. Сегодня Анна не окликала быков звонким голосом, мысли ее были далеко. Она вновь вспомнила прошлое, то время, когда вспыхнула в сердце любовь к бедному Янко Прибису. Еще полгода назад Анна клялась себе, что останется верна той чистой любви. А случилось все так, как предсказывала мать. Образ Янко поблек. Может быть, Мартин наконец овладел сердцем

жены? Анна нахмурилась. Никогда не сможет она его полюбить. Молодая женщина прижала руки к лицу, но уже через мгновение гордо вскинула голову.

«Да, я люблю Йозефа сильнее, чем Янко, и что из этого?»

«Но у тебя есть муж», — пронеслось у нее в голове.

«Не нужно было выдавать меня насильно за Мартина. И потом он сам хотел, чтобы я любила его брата».

«Но только как брата, — словно шептал кто-то. — Ты мужу поклялась у алтаря в верности».

«Меня заставили, пусть сами и отвечают теперь за мои грехи. Что я, собственно, плохого делаю? Мартин никогда об этом не узнает».

Быки сами остановились у скошенного луга, и Йозеф, прилегший отдохнуть, вскочил и побежал навстречу Анне.

— Анна, ты приехала! — улыбаясь, он помог ей спуститься с повозки. — Почему ты здесь?

— Мартина нет дома. А что, лучше бы кто-нибудь другой приехал? — спросила она, за-

глядывая ему в глаза. «Он любит меня и сегодня признается в этом».

— Ты же знаешь, Анна, для меня нет большей радости, чем видеть тебя!

— Правда? А почему? — притворилась непонимающей молодая женщина.

Йозеф принялся молча собирать траву. Анна видела, что он борется с собой.

«Он не откроется мне, — испугалась она. — Но ведь он должен сделать это!»

Сложив в повозку всю траву, Анна пошла набрать ягод. От волнения у нее дрожали руки. Она знала, что уже пора отправляться в обратный путь, но решила дождаться признания.

«Перестань играть с огнем, — вновь увещевал ее внутренний голос. — Вернись к мужу, там твое место, он добрый человек! Не обманывай его! Если Йозеф признается в любви, как он сможет смотреть в глаза брату?»

«Нет, он должен мне признаться», — все твердила про себя Анна.

— Анна, поедем домой! — услышала она за спиной и словно нехотя обернулась.

Йозеф был бледен.

— Зачем нам ехать домой? Разве нам плохо в лесу?

— Нехорошо мне, — еле слышно сказал он. — Если ты не пойдешь, я уйду один.

Она положила руку ему на плечо и, не отводя глаз, прошептала:

— Ты на меня сердишься, Йозеф?

— Я? Сержусь?.. — Он с силой сжал ее руку. — Да, я зол на себя и на весь свет. Горе мне! Лучше бы я никогда не знал тебя!

— Не мучь себя, то, что мы любим друг друга, — не грех, мы бес- сильны против этой любви.

— Анна! А Мартин?.. — то ли возликовал, то ли ужаснулся Йозеф.

— Какое до этого дело Мартину? Когда он на мне женился, он знал, что я люблю другого, и смирился с этим.

Мартин уже давно был дома, когда Анна и Йозеф вернулись с луга. Радость жены так удивила Мартина, что он не заметил смущения брата.

Глава 7

УЗарадски началась полоса неудач. Коровы по-прежнему не давали молока, а на мельнице сломалось колесо. Все эти неприятности словно поджидали Томаса, чтобы помешать ему изменить свою жизнь. И как он ни старался, не удавалось ему удержаться от грубых окриков и оплеух. Только жену мельник не трогал, словно не замечая ее.

С тех пор, как родился ребенок, Ева спала на чердаке. Всем в доме мешал детский плач. И хотя девочка давно умерла, молодая женщина все еще жила в чердачной комнатке. Без боязни спускалась она теперь по утрам вниз и охотно выполняла свою работу, безропотно снося грубости мельничихи. Если ее о чем-то спрашивали, она приветливо отвечала, но сама заговаривала только с Георгом. Они

подолгу оставались вдвоем, ухаживая за больной скотиной.

Однажды ночью разразилась гроза, и молодой мельник решил подняться к жене. Не страшно ли ей там одной? Он нашел Еву мирно спящей. Раскаты грома потрясли весь дом, а она только улыбалась во сне, как дитя, прижимая к себе Библию. «Вот где она находит утешение, — думал Томас. — Может быть, я смог бы исправиться, если бы читал эту книгу, но у меня нет для этого времени».

А гроза все не утихала, и мельнику стало страшно. Но от спящей жены исходило такое спокойствие! Ему хотелось остаться здесь, пока гроза не пройдет. Вдруг Ева пошевелилась и проснулась. Свет молнии озарил комнату. Не замечая мужа, молодая женщина сложила руки для молитвы и через несколько минут уже вновь спала. Нет, ей было не страшно. В глубокой задумчивости оставил Томас комнату жены.

Поздно вечером, возвращаясь в свое скромное жилище, Ева погружалась в чтение Священного Писания. И Тот, Кто обещал:

«...И будут все научены Богом»¹, учил ее. Теперь стали ей понятны слова, которые прочел незнакомец: *«Я открылся не вопрошавшим обо Мне, Меня нашли не искавшие Меня»²*.

Поднималась Ева до зари, чтоб успеть хоть немного прочесть из Библии, и, если удавалось, делилась потом прочитанным с Георгом. Нередко хлев становился местом присутствия Сына Божия. «Если мне нечего отдать Христу, — думал Георг, — то я могу просто поклоняться Ему здесь, как волхвы».

Со времени последнего разговора с мужем в саду Ева прочла книгу Бытие и Евангелие от Матфея. *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные... и найдете покой душам вашим»³*. Она пришла к Нему, и чем ближе становился ей Христос, тем больше открывалось ей прошлое. Самоубийство могло лишить ее вечной жизни. Как она благодарила Господа за то, что Он дал ей покой в сердце! Он, взявший на Себя грехи мира.

¹ Ин. 6:45.

² Ис. 65:1.

³ Мф. 11:28,29.

*«Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем...»*¹. И она должна была смиренно нести груз ежедневных забот. Когда несправедливость свекрови становилась невыносимой, молодая женщина вспоминала о кротком Иисусе, несшем крест на Голгофу, и мир наполнял ее душу, и она готова была до самой смерти нести свой крест. Она не переставала благодарить Бога за то, что муж к ней переменился. После того памятного разговора в саду Ева долго не могла уснуть, ликуя при мысли о том, что Томас может полюбить ее. Но на утро они встретились по-прежнему чужими. Нелегко было пережить разочарование. Ева стала все больше избегать мужа, и все сильнее чувствовала она любовь Христа.

Часто молодая женщина вспоминала незнакомца, указавшего ей путь к Богу. Как хотелось отблагодарить его! И вот однажды, вернувшись с лесопилки с горящими от радости глазами, Георг сказал:

— Молодой Мурани совсем не похож на других. И как он умеет говорить о Боге!

¹ Мф. 11:29.

Ева догадалась, что это и был ее незнакомец. Как жаль, что Георг не мог передать их бесед! Он все понимал, он пошел бы за Господом куда угодно, но выразить это в словах не мог. Не раз ему уже довелось разговаривать с Михелем. Если бы и она могла с ним повстречаться! Она рассказала бы, что теперь уже не пропавшая. Наверное, Михель объяснил бы ей непонятные места из Библии.

Лишь спустя месяц заветное желание Евы исполнилось. Старая мельничиха услышала от кого-то, что жена лесного сторожа знает средство от болезни коров. «Может быть, поможет», — подумала Зарадски и отправила невестку на лесопилку. Надев праздничное платье, Ева вышла из дома. Уже у реки ей встретился Томас.

— Спроси заодно, не распилят ли они нам ореховое дерево, — мельник пристально посмотрел на жену. Долго еще провожал он взглядом тоненькую фигурку, пока та не скрылась из виду. Томас был зол на себя. Ведь он говорил матери, что и смотреть не хочет на Еву. А вот теперь только о ней и думал. И все вспоминалась она ему спящей на лугу и во

время грозы, словно брошенная. «После смерти ребенка она переменялась», — думал Томас. Как приблизить ее к себе? И как не унизиться при этом?

Между тем Ева подошла к лесной хижине. Она не раз бывала здесь, но сегодня дом Мурани поразил ее. Все было иным, новым и праздничным. В передней был настлан новый пол, на подоконниках красовались цветы в горшках. Хозяйка приветливо встретила нежданную гостью. Выслушав ее просьбу, она тотчас стала собирать нужные травы.

Ева с интересом оглядывала комнату. Заметив удивление молодой женщины, старушка Мурани пригласила ее пройти по всему дому.

— Как у вас красиво и чисто, — восхищенно сказала Ева.

— Знаешь, Михель любит чистоту, — в голосе хозяйки слышалась радость. — Новую мебель купил, кровать с покрывалом, говорит, нехорошо, когда постель на виду. За домом место для навоза обустроил, и во дворе теперь чисто. Обещал еще огород разбить.

И кухня, и комнаты, и даже чердак сияли чистотой.

«Нужно, чтобы и у нас было так чисто», — думала Ева.

Старая женщина рада была рассказать кому-нибудь о сыне. Она подвела Еву к стенному шкафу и с гордостью показала книги Михеля.

— Посмотри их, пока я все собираю, — сказала хозяйка, выходя во двор.

С благоговением перебирала Ева книги. Были здесь и книги на иностранных языках. Просмотрев все, она достала с полки старенькую Библию. На пол упал завернутый в шелковый лоскуток снимок. Ева осторожно подняла его. Миловидная женщина в окружении детей смотрела на нее со снимка. Рядом с женщиной стоял молодой мужчина, в котором Ева узнала доброго незнакомца. Значит, на снимке были его жена и дети. Неужели этот прелестный мальчик умер? Глаза Евы наполнились слезами.

— Добро пожаловать в гости! Здравствуй-те! — Ева обернулась на знакомый голос и, увидев Михеля, покраснела.

— Добрый день, — смущенно сказала она. — Не сердитесь, пожалуйста, что я рассматриваю ваши книги. Ваша матушка мне разрешила.

— Вы нашли мое маленькое сокровище, — Михель улыбался, — его еще никто здесь не видел. Или, может быть, мама уже видела?

— Нет-нет, я случайно выронила его сейчас.

Ева подала Михелю снимок, и тот завернул его и спрятал в нагрудном кармане.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Матушка еще собирает травы.

Ева передала просьбу мужа, и Михель пообещал выполнить ее через день.

— Ну а что вы уже прочли из Слова Божьего?

Молодая женщина вся словно расцвела, так ждала она этого вопроса. Обо всем поведала она своему новому другу и, ободренная его вниманием, спросила о неясных местах в Библии. Целый день готова была она слушать Михеля. Но вот вернулась тетушка Мурани, пора было уходить. Пересилив себя, Ева стала прощаться.

— Приходи к нам в воскресенье, — улыбаясь, приглашала старенькая хозяйка.

Поблагодарив за все, Ева обещала зайти. Прощаясь, она протянула Михелю руку.

— Я провожу вас, у меня дела в селе, — сказал он.

По дороге вновь завязалась беседа.

— Вот я не понимаю, — сказала Ева, — почему Христос говорит, что ради Него мы должны ненавидеть родителей, братьев и сестер?

— Это нельзя понимать буквально. У Христа нет ненависти, кроме ненависти к греху. И Он учит, что если мать или отец, муж или жена, сын или дочь живут в грехе и хотят соблазнить и нас, то мы должны ненавидеть грех и лучше нам оставить родных, чем отречься от Бога.

Тропинка тянулась вдоль реки и спускалась в долину. Ивы склонили к воде свои пушистые ветви. Слышалось пение птиц. Дивными были эти места!

И вдруг все словно смолкло, прислушиваясь к тому, что говорил Михель об отречении от самого дорогого ради Господа.

— Вот смотрите, Ева, — Михель сел на упавшее дерево и достал снимок. — Это моя жена. Один Бог знает, как я любил ее. Мы были молоды, здоровы, богаты — у нее было большое приданое — и, как казалось всем, счастливы. Но широк путь, ведущий к гибели. И вот однажды Бог открыл мои глаза и позвал за Собой. И я пошел вслед за Иисусом, а жена моя не захотела. Тогда Господь взял нашего сыночка. Я надеялся, что она будет тосковать по тому Дому, куда ушел наш ребенок. Но она не обернулась к Богу, а лишь пыталась заглушить свое горе развлечениями. Вскоре Бог забрал у нас и обеих дочерей. Это было страшным ударом для жены, но она не хотела измениться, не хотела и слушать о Христе. Все только уговаривала меня помочь

ей в том, что было грехом перед Богом. Мне пришлось разделить наше имущество, и она сама осуществила задуманное. Она жила для мира, а я для Христа. Не смогли мы больше жить вместе. И вот я решил отправиться к родителям, обеспечить их в старости. Разве был бы я достоин Христа, если бы послушался любимой жены и стал бы грешить, как прежде?

— Почему же она не хотела? Ведь она любит вас... — Ева вглядывалась в лицо на снимке.

— Больше не любит, — Михель тяжело вздохнул.

— А вы?

— Я люблю ее больше, чем прежде, ведь она гибнет. Я жизнь бы свою отдал, лишь бы спасти ее.

— И вы смогли бы к ней вернуться?

— Она должна вернуться ко мне, — Михель покачал головой.

— Вы думаете, она вернется?

— Если покается и придет к Богу.

Михель обхватил голову руками. Сколько боли было в этом жесте! Если бы Ева могла

прийти к этой красивой, но жестокой женщине и попросить ее вернуться к Богу и к мужу! Но сейчас нужно было как-то утешить Михеля. Ева несмело положила ему руку на плечо.

— Иисус и ее любит, Он не оставит вас.

Михель взял ее руку в свою и выпрямился. На глазах у него были слезы, но лицо просветлело.

— Я верю в это. И вы теперь знаете, чего Господь хочет от вас. Несмотря на всю боль, я не устану благодарить Бога, что Он помог мне устоять и не сбиться с пути. Только прошу вас, не рассказывайте никому о моей жене. Не хочу, чтобы о ней ходили толки.

— Я буду молчать, — горячо пообещала Ева. — А вы расскажете мне, если что-нибудь о ней узнаете? Я буду молиться о ней.

— Обязательно расскажу!

Михель крепко пожал Еве руку и поднялся. Они пошли дальше.

Вскоре их пути разошлись.

— Ева, дорогая, — сказал на прощанье Михель, — что бы ни случилось, помните, Бог любит вас, и лучше умереть, чем совершить

грех. Если мы что-то теряем, Бог дает нам во сто крат больше. Если же мы Его потеряем, все для нас будет потеряно.

Глава 8

В глубокой задумчивости шел Михель по лесу, как вдруг услышал неподалеку голоса.

— Поверь мне, Анна, я сбился с пути. Я люблю тебя так, что иногда нет сил это вынести, всюду только о тебе и думаю. Но и о нем тоже...

Михель узнал голос говорившего.

— А зачем тебе о нем думать? — перебил женский голос. — Он ведь ничего не замечает, я слежу за этим, и счастлив, когда я с ним.

— Вот это-то меня и мучает. Мы любим друг друга, но ты никогда не станешь моей женой.

— Ну чего тебе еще нужно, Йозеф?

— Мне нужна вся ты, и чтобы ты была только моей. Ты должна принадлежать мне перед Богом и людьми. Если бы ты была моей женой и изменила мне, я бы убил вас обоих.

— Ты боишься его? — рассмеялась женщина.

— Конечно, нет! Но мне не по себе всякий раз, когда он со мной заговаривает. Лучше бы он мне пощечину давал. Что толку, что мы любим друг друга, если ты не можешь быть моей?

Женщина едва слышно ответила что-то, от чего молодой Мурани побледнел. Голоса приближались. В нескольких шагах от Михеля, скрытого деревьями, Анна и Йозеф разошлись. Не оглядываясь, с поникшей головой Йозеф пошел в сторону села. Анна углубилась в лес, чтобы выйти на другую дорогу.

Михель догнал Йозефа, они поздоровались.

— Когда вы распилите нам то, что осталось? — спросил Йозеф.

— Скоро. Только не расходуйте все доски, отложите две.

— Зачем?

— Чтобы защитить ими счастье вашего брата, может быть, и его жизнь и приблизить ваше вечное спасение.

Йозеф вздрогнул.

— Что это за шутки? — резко спросил он.

— Это не шутки. Разве вы не помните шестую и десятую заповеди?

— Вы слышали нас?! — Йозеф отшатнулся, но потом почти вплотную подошел к Михелю. — Если вы выдадите нас...

— Выдам? Кому? Вашему бедному брату? Думаете, я смог бы сказать ему: «Твоя жена, которой ты отдал свое сердце, и твой брат, которого ты любишь, предадут тебя»? Вы сами сказали, что, если бы это случилось с вами, вы бы убили обоих. Мартин Лани никого бы не убил, такая весть убила бы его самого. Я ничего не скажу ему. Но вы должны знать, что Бог все видит и слышит. Вы стоите перед пропастью. Остановитесь, пока не поздно!

— У меня нет сил! — простонал Йозеф, закрыв лицо руками.

— Я знаю, грех поглотил вас. Но для того и пришел Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола. Просите у Него помощи, Он услышит вас и поможет!

— Я покончу с этим, поверьте мне! — прошептал Йозеф. — Спасибо, что предостерегли меня.

Надвинув шляпу на глаза, Йозеф зашагал в сторону села. Он уже не расслышал слов: «Хочешь своими силами спастись от греха, несчастный!»

Тем временем, радостная, Анна спешила к дому матери. По дороге она встретила Еву.

— Ну как, Ева, ты уже не горюешь? — спросила она безучастно.

— Я никогда не забуду доченьку. Но Господь вернет мне ее, когда и меня возьмет к Себе.

— Ты так уверена, что будешь у Него? Кто может это знать? — насмешливо проговорила Анна.

— Я знаю, что Бог любит меня, — тихо сказала Ева.

— Тебя?! — Анна засмеялась. — Да как Богу любить тебя? Родная мать не заботилась о тебе, Томас тебя видеть не может, наша мать рада, когда тебя нет рядом. И ты утверждаешь, что Бог тебя любит?

— Не моя вина, что люди меня не любят. Но Бог любит. Я знаю, что ничем этого не заслужила, но я Ему верю. Ведь Он так сказал.

Анна все больше горячилась:

— Интересно знать, когда же ты разговаривала с Богом?

— У меня есть Его Священное Слово, — ответила Ева, краснея. — У вас ведь оно тоже есть. Там написано: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»*¹.

— И поэтому ты утверждаешь, что Бог тебя любит?

— Он отдал за меня самое дорогое, что у Него было, — Своего Сына! Иисус Христос умер за меня на кресте! Как же мне не верить, что Он любит меня?

Уже без страха смотрела Ева на Анну.

— Разве только за тебя Бог отдал Своего Сына?

— Он и за тебя отдал Его, и за твои грехи...

Анна схватила Еву за руку:

— Какое тебе дело до моих грехов? Как ты можешь это говорить? Меня все любят, и родные, и соседи — все! Ни от кого ты обо мне плохого не услышишь. А о тебе, святой,

¹ Ин. 3:16.

никто и доброго слова не скажет, кроме глупого Георга!..

«Чем я ее так огорчила?» — недоумевала Ева. Взбешенная Анна уже далеко ушла вперед. «Почему она презирает меня? И почему меня никто не любит?..» — Ева вновь почувствовала холод в сердце. «Томас тебя видеть не может!» — все слышался ей голос Анны. Эти слова причиняли ей особую боль. Муж не может ее видеть! Ева горько заплакала.

«Да ведь он и сам сказал это в саду... А что если и Господь не любит меня, недостойную?» Ева посмотрела на небо. «Нет, Он не может меня обмануть. Разве не за меня умер Христос на кресте? Разве не был Он тогда таким же одиноким?»

Ева вытерла слезы. Нужно было спешить.

— Где ты пропадала? За смертью тебя посылать! — накинулась на нее свекровь.

— Не ругайте ее, матушка, — сказала с усмешкой Анна. — Ева раздумывала над тем, кто ее любит...

Как-то странно посмотрел Томас на жену, услышав слова сестры. Но тут его позвали на мельницу, в этот день было много работы.

«Кто ее любит...» — все слышалось ему в шуме мельницы. Что Анна хотела этим сказать?

Освободившись, Томас позвал Еву.

— О чем ты думала по дороге домой?

Ева печально посмотрела на мужа, но страха в ее глазах не было.

— О разном я думала, Томас. Я сказала Анне, что Бог меня любит, и она теперь смеется надо мной. Она не поверила, ведь никто меня не любит.

Еще тяжелее стало на душе у молодого мельника, хотя опасения его развеялись.

— Анна болтлива, не слушай ее.

Впервые Томас отозвался нелестно о сестре. Кто-то зашел на мельницу, и разговор прервался.

Между тем мельничиха жаловалась дочери, показывая больных коров:

— Я уже все перепробовала, если и эти травы не помогут, придется пойти к гадалке. Не иначе, как кто-то сглазил коров.

— Отправь кого-нибудь к гадалке, да поскорее, — посоветовала Анна. — Хочешь, я схожу? Лучше, если молодой за это берется.

— Что верно, то верно. Сходи, если не трудно.

— Завтра же пойду. Как раз полнолуние.

Обрадованная, мельничиха проводила дочь.

Вернувшись домой, Анна рассказала мужу о беде, приключившейся на мельнице, и о том, что пообещала сходить в Цитково за гадалкой.

— Мать пришлет Еву присмотреть за хозяйством.

Мартин не возражал, заметил только, что путь в Цитково не близкий.

— Завтра утром Йозеф поедет в лес. Он подвезет тебя.

Анна с радостью согласилась и принялась готовиться к поездке.

На следующее утро Мартин проводил жену и брата до леса и долго смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду.

Глава 9

В шесть часов утра Ева уже была у Лани. В доме было не прибрано, и Ева принялась за уборку, вспоминая хижину Мурани. Всюду навела она порядок, проветрила комнаты. Закончив уборку, Ева нагрела воды и выкупала малышку. Мартин не мог оторвать глаз от Евы. С каким спокойствием и любовью она все делала!

После завтрака, когда и пес, который все лизал ей руки, пытаясь подружиться, был накормлен, Ева хотела пойти в огород, но Мартин запротестовал.

— У тебя и дома работы хватит. Да и обед скоро готовить нужно.

Ева согласилась.

— Тогда дай мне, пожалуйста, Библию. Я пока читаю, — попросила она.

Мартин достал с полки запылившуюся книгу.

— Почитай вслух, — попросил он, удивленный ее выбором.

Ева раскрыла книгу на том месте, где была заложена закладка. *«Не должен находиться у*

тебя... гагатель, ворожея, чародей, волшебник... ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это»¹, — прочла она и, вспомнив об Анне, ушедшей к гадалке, испугалась. Вдруг с ней что-нибудь случится? Она поделилась своей тревогой с Марином.

— Но ведь в то время все было иначе, — попытался он успокоить ее. — Предавали смерти за прелюбодеяние, а сегодня за это уже не наказывают.

— Но это все равно грех, как и тогда, — возразила Ева. — Бог сегодня тот же, что и тогда. И наказание Его может быть таким же, как в те времена.

— Я никогда над этим не задумывался, — признался Мартин. — Нельзя было посылать Анну. Но, к сожалению, мы не всегда можем исполнять Божьи заповеди.

— О, Бог нас так любит! Разве мы не можем исполнять Его заповеди? Ведь Он не требует от нас невозможного. Я не хотела бы поступать против Его воли и огорчать непослушанием.

¹ Втор. 18:10-12.

— Да, мы часто непослушны, — Мартин озадаченно покачал головой. — Прав псалмопевец: «Я заблудился, как овца потерянная...»¹. Мы потерянные овцы. Раньше люди были совсем другими, они больше доверяли Богу и были послушны Ему. А мы ходим в церковь, но поступаем по-своему.

— А когда ты умрешь, что тогда? — с волнением спросила Ева.

— Господь будет милостив к нам, — Мартин пожал плечами.

— Ты ведь знаешь, Мартин, есть два пути: на небо и в ад.

— Да, Ева, я знаю, что широкий путь ведет в ад, а тесный — в рай.

— А ты каким путем идешь?

Мартин опустил глаза.

— Я никого не обижаю, никто на меня не может пожаловаться. Но не могу сказать, что я на тесном пути, не знаю. Может быть, никто не знает, как и куда идет, и только после смерти узнает?

Ева покачала головой:

¹ Пс. 118:176.

— А я уже знаю.

— Ты знаешь, Ева? — удивился он.

— Да, я знаю, что блуждала, шла широким путем, далека была от священных заповедей Божьих. Но Иисус Христос меня нашел, и теперь я иду с Ним.

Мартина изумили слова Евы. Он и раньше замечал, что со смертью ребенка она изменилась, и теперь попросил рассказать о том, что произошло. Ничего не утаила Ева из того, что пережила в то памятное воскресенье, только о свекрови и муже промолчала. Но Мартин и сам обо всем догадывался, и таким состраданием наполнилось теперь его сердце. А Ева, вдохновленная его вниманием, поведала о своем счастье, ведь она встретится с доченькой. Как она была благодарна Иисусу за Его любовь!

Ева давно ушла готовить обед, а Мартин все сидел в задумчивости, перелистывая Библию. Слова Евы о радости и мире в сердце встревожили его. Да, он был одинок, хотя имел семью. Ему недоставало Бога — теперь он чувствовал это. Может быть, и он заблудший, и Бог еще не нашел его.

После обеда с маленькой Анечкой и няней Ева отправилась на мельницу, пообещав вернуться к ужину. С нетерпением ждал Мартин ее возвращения. За ужином он поведал Еве о своих мучительных сомнениях. С таким участием слушала его молодая женщина, пытаясь помочь советом, что Мартин почувствовал некоторое облегчение.

Справившись со всеми делами, они вышли в сад и читали там до самой темноты. Ева была счастлива, что могла теперь поделиться тем, что ей открылось.

С поручением пришел с мельницы Георг и, ободренный Евой, рассказал Мартину о своей любви к Сыну Божьему.

— Вы бы сходили к молодому Мурани на лесопилку, — сказал Георг на прощание, — он лучше обо всем расскажет.

Было уже совсем поздно, когда Мартин решил навеститься к брату. Йозеф вернулся еще днем, но, жалуясь на головную боль, не стал даже обедать и ушел к себе. Мартин застал его спящим. Спал он беспокойно и все бормотал во сне. «Пройдет все, поправится», — подумал Мартин и, укрыв брата одеялом, пошел спать.

Но в эту ночь не спалось Мартину. Вся жизнь, прошедшая вдали от Христа, вспоминалась ему. И Слово Божье было у него в доме, но он не читал его, забыл о нем и о Боге! А что если Бог заберет его теперь с земли? «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» — все повторял Мартин пришедшие на память слова мытаря.

Глава 10

Что мучило во сне Йозефа? Может быть, воспоминания о последней поездке с Анной?

Солнце еще не поднялось, когда Йозеф и Анна отправились в путь. Тишина окутала все вокруг, и только временами доносился из леса шум деревьев, словно эхо словацких сказок о зачарованных принцессах. Соловей торопился допеть свою ночную песню прежде, чем погаснут звезды.

Тяжело было на сердце у Йозефа в это чудесное утро, мрачные предчувствия одолевали его. Он хотел было отказаться от этой поездки, но что подумал бы Мартин? Как объяс-

нить все Анне? «Нам нельзя любить друг друга и обманывать Мартина», — хотелось кричать Йозефу. Но как самому расстаться с той, в которой вся его жизнь?

А Анна? Ей не давали покоя слова ненавистной невестки «за твои грехи». Поздно, ничего уже не изменишь! И ведь Мартин сам отправил их вместе. Но почему молчит Йозеф?

Дорога шла в гору, и Анна спустилась с повозки. Идя теперь рядом с Йозефом, она старалась встретиться с ним взглядом.

— Что с тобой? Ты сердишься на меня? — нарушила она наконец молчание.

— Нет, не сержусь.

— Неправда, я вижу. Мы здесь одни, а ты молчишь.

Йозеф опустил голову.

— Я должен тебе что-то сказать.

Анна вздрогнула, предчувствуя недоброе.

— Так что же ты молчишь? Говори!

— Анна, нам нельзя любить друг друга, это против воли Бога...

Не говоря ни слова, Анна села в повозку. Давно уже поднялись они на гору, когда

Йозеф наконец заговорил, садясь рядом с Анной.

— Анна, поверь, я не знаю, что со мной будет!

— А что с тобой может быть? — нервно засмеялась она. — Ты найдешь себе другую и скажешь ей то, что говорил мне. И все будет как в первый раз.

— Перестань, Анна! Зачем ты меня мучаешь? — закричал Йозеф. — Ты же знаешь, мне никто не нужен, кроме тебя!

Анна знала, что Йозеф говорит правду.

— Я уйду, куда глаза глядят. Чтобы не видеть ни тебя, ни Мартина, иначе не знаю, что случится.

Он уйдет, а она останется с Мартином?!

— Если ты уйдешь, возьми меня с собой! — взмолилась она, обнимая Йозефа.

«В последний раз», — подумал он, страстно целуя ее.

— Анна, душа моя, ты принадлежишь Мартину, тебе нельзя идти со мной, это грех. Ты утешисься...

— Да, я утешусь, когда брошусь в реку!

— Анна!

Анна попыталась высвободиться из его объятий.

— Зачем тебе бросать отцовское имение? Я не буду мешать тебе...

Йозеф старался успокоить ее.

— Я не вернусь! — крикнула она вдруг. — Ты Мартина любишь больше, чем меня! Так иди к своему Мартину, а я пойду туда — в могилу!..

Словно в забытьи Йозеф шептал что-то. Страсть с новой силой разгоралась в его груди. Как мог он устоять, победить их любовь? Откуда было взяться силам?

К вечеру добралась Анна до дома гадалки. Нет, Йозеф не оставит ее! О Боге Анна не хотела и думать. Ведь их никто не видел и не слышал. «Нужно все-таки посоветоваться с гадалкой, может быть, она поможет сделать так, чтобы Мартин ничего никогда не заметил».

— Только смотрите, не перепутайте травы. Вот этой обкурите хлев, а из этих сделайте отвар и напоите им скот, — наставляла гадалка.

— А если перепутаем? — как бы невзначай спросила Анна.

— Что вы! Погубите скотину! Человек и животное засыпают навеки от этого отвара.

— Не беспокойтесь, тетушка, я не перепутаю, — пообещала Анна.

Старуха еще раз повторила слова заклинания. Было уже темно, когда Анна вернулась на мельницу, и мельничиха тут же принялась за «лечение» скота.

Не дождавшись жены, Мартин решил наведаться на мельницу. При виде мужа Анна залилась краской, но, опомнившись, побежала ему навстречу и обняла. Никогда еще такого не случилось! Счастливый, Мартин возвращался домой, слушая рассказы Анны. Он был рад, что она не упомянула о ворожбе, но решил не позволять ей больше этим заниматься.

— Йозеф дома? — спросила Анна, наблюдая за выражением лица мужа.

— Нет, он ушел к соседям, помочь собрать сено.

Мартин не расслышал облегченного вздоха и стал рассказывать о домашних делах, о том, как хорошо хозяйничала Ева. Но Анна уже не слушала его.

Как только они вернулись, Ева стала прощаться. Мартину жаль было расставаться с ней.

Глава 11

Епустя несколько дней Мартин и Михель Мурани беседовали, сидя на бревнах неподалеку от лесопилки и любуясь природой. Рядом журчал ручей, берега которого заросли кустарником и незабудками. Вечернее солнце ласкало холмы, обступившие сказочную долину. Казалось, природа прославляла своего Творца. Мартин был задумчив.

— Я хотел спросить вас, Михель, — прервал он молчание.

— О чем же?

Мартин рассказал о гадалке и о том, что прочла Ева в Библии о гаданиях.

— Я плохо знаю Писание, может быть, вы мне объясните? Есть ли и теперь такая заповедь?

— Мартин, Иисус Христос сказал: *«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»*¹.

— Значит, Бог говорит все это и для нас, а не только для евреев? — спросил Мартин после раздумья. — Но гадалки призывают имя Бога...

— Да, Мартин, — Михель нахмурился, — но Бог сказал: *«Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно»*. Призывать имя Бога и служить дьяволу, занимаясь колдовством, — это страшный грех. В Библии есть такие слова: *«...Так говорит Господь Саваоф: так сокрушу Я народ сей, как сокрушен горшечников сосуд, который уже не может быть восстановлен»*². *«За то, что они оставили закон Мой, который Я постановил для них, и не слушали гласа Моего, и не поступали по нему. А ходили по упорству сердца своего и во след Ваалов, как научили их отцы их. Посему*

¹ Мф. 24:35.

² Иер. 19:11.

так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, Я накормлю их, этот народ, польною, и напою их водою с желчью; и рассею их между народами, которых не знали ни они, ни отцы их, и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их»¹. Поверьте, всякое колдовство — великий грех перед Богом, и тем больше ваша вина, что вы считаете себя христианином. Ваша жена занимается колдовством, а значит, и вы сами. Иисус Христос говорит: «Не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день»².

Мартин опустил голову.

— Мы много грешим против Бога, не хотим познать Его святую волю. Так вы думаете, Бог нас накажет за то, что Анна ходила к гадалке, а я ее отпустил?

— «...Если не покаетесь, все так же погибнете»³. Так сказал однажды Иисус Христос, и Его слово истинно.

¹ Иер. 9:13-16.

² Ин. 12:48.

³ Лк. 13:3.

— Знаете, Михель, как тяжело у меня на сердце. Казалось бы, никогда еще жизнь не была так хороша. Ведь Анна вышла за меня не по любви и все не могла ко мне привыкнуть. А теперь стала такая ласковая. Я-то ее всем сердцем люблю. И как раз сейчас нужно сказать ей, что мы оба согрешили, что живем без Бога. Боюсь, рассердится, и снова буду с ней мучиться. Вот духу у меня и не хватает. Может быть, вы поговорили бы с ней, вас она скорее послушает, ведь она не знает, что делает.

Михель положил Мартину руку на плечо:

— И вы хотите и дальше так жить и быть отвергнутыми? *«И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселие, а печаль и воздыхание удалятся»*¹. Разве вы не хотите быть среди них?

— Я бы хотел, Михель, поверьте мне. Я всегда считал себя хорошим человеком, никто на меня никогда не жаловался, но теперь

¹ Ис. 35:10.

вижу, что грешил против Бога. Я хотел бы исправиться, но не знаю как.

— Иисус говорит: «...Кто жаждет, иди ко Мне и пей»¹. Он Врач, Который может исцелить. Вы просили Его исцелить вашу душу?

— Нет. В моем молитвеннике нет таких молитв, — вздохнул Мартин.

— Когда Анна просит вас о чем-то, разве она читает по книге? — спросил Михель улыбаясь.

— Вы думаете, я могу сказать Богу все своими словами? Ведь Он Бог!

— Он Отец! Послушайте, как в Новом Завете люди призывали Господа Иисуса. «Господи! Если хочешь, можешь меня очистить», — просил прокаженный. «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня!» — просил слепой Вартимей. «Господи, помоги мне!» — кричала женщина-хананеянка. И Господь всех слышал. Вы думаете, если бы вы попросили: «Господь Иисус, исцели мою душу и дай мне живой воды», — Он бы вас не понял? Несколько лет назад я был в таком же состоянии, как вы.

¹ Ин. 7:37.

Я тоже был молод, здоров, женат и имел все для радости, но в душе моей не было мира. Тогда-то добрые люди рассказали мне о том, что Иисус Христос ищет меня. Я поверил им и обратился к Господу, попросил Его простить меня и очистить от грехов. И Он услышал меня, Мартин. Поверьте мне, у меня была больна душа, но Он меня исцелил. Я был далек от Бога, но Он искал и нашел меня. Вы знаете, ведь я был раньше совсем непослушным, убежал от родителей. Но Бог использовал это, чтобы мне не погибнуть во мраке. Он даровал мне здоровье, силы, разум и удачу, хотя я не знал Его. За несколько лет я скопил состояние и смог купить ферму. Богатый сосед-фермер отдал мне в жены дочь. Я многому научился и позднее, когда уже хорошо говорил по-английски, познакомился с образованными американцами. Они мне очень помогли. Никто во мне и не узнал бы прежнего Михеля Мурани. Сердце мое возгордилось. Я воображал, что достиг всего сам. Вместо того чтобы благодарить Господа, я восхищался собой. А жилось мне так хорошо, что

лучшего я себе и пожелать не мог. Но Бог открыл мне глаза. Он показал мне, что без Него я погибну навеки. Дух Святой пробудил меня, и я познал Истину. Все это я рассказываю вам потому, что жизнь без Бога, какой бы прекрасной она ни была, — суета и пустота. Обратитесь к Иисусу, попросите Его сегодня простить и очистить вас. Он ждет вас. Не медлите, завтра может быть поздно!

Михель поднялся, пора было прощаться. Мартин поблагодарил его за все.

«Если Иисус помог тем, кто Его просил, Он может помочь и мне. Ведь Он сказал: "Придите ко мне все..."», — думал Мартин, возвращаясь домой через лес.

Он отошел в заросли и, опустившись на колени, взмолился: «Господь Иисус Христос, исцели мою душу!» Долго взывал он в слезах к Богу, по Которому так томился.

Ангелы на небесах радовались, ибо из уст доброго Пастыря звучали слова: «Порадуйтесь со Мною: Я нашел Мою пропавшую овцу!» Святая рука раскрыла книгу жизни и записала в нее новое имя...

Глава 12

Михель, иди-ка сюда! — позвала сына мать. — Вот сосед передал мне письмо для тебя.

Прочитав обратный адрес, Михель побледнел, и мать не решилась спросить, почему он не открыл конверт.

Наступила ночь, а старая женщина все думала о письме и не могла уснуть. Она встала и тихо прошла в переднюю. Там еще горел свет. Осторожно открыла она дверь. Михель сидел за столом и, склонив голову на руки, плакал. У матери перехватило дыхание. Поборов волнение, она подошла к сыну и обняла его, прижавшись к нему морщинистым лицом.

— Сынок, родной, отчего ты плачешь?

Михель отер слезы и обнял мать.

— Тяжело, мама! Случилось самое страшное для меня, но рассказать я тебе об этом пока не могу.

— Почему же, Михель? Хотя я простая женщина, я все же твоя мать...

— Не говори так, мама, ведь я всегда тебя любил, ты же знаешь.

— Знаю, и Бог воздаст тебе за это. Почему же ты не можешь рассказать мне?

— Не могу, поверь мне, пока не могу.

Михель встал, но взглянув на мать, сказал мягко:

— Потерпи, мама, пока я получу ответ на письмо, которое сегодня напишу. Потом я все расскажу тебе. Не сердись на меня.

— Я подожду, сынок. Не буду тебе больше мешать. Ложись поскорее спать.

— Ложись и ты, мама. Только прошу тебя, не говори никому, даже отцу, что я плакал, чтобы не подумали, что я несчастен.

— А разве ты счастлив, сынок? — грустно спросила мать.

— Да, мама, я счастлив, потому что со мной Иисус. Господь снова выведет меня на свет. Я

знаю, что когда-нибудь уже не будет страданий, и что Господь меня утешит, пока я на этой земле. Поверь, без Него я не вынес бы этой боли. Прими и ты Его в свое сердце, чтобы Он и тебе даровал ту радость, которая пересилит всякое страдание.

— Научи меня, Михель.

— Попроси Его, Он всему тебя научит.

Лежа в постели, старая женщина плакала о сыне и тихонько молилась, прося для него сил. Рано утром она пошла проведать его. Он мирно спал, сложив руки на широкой груди. На столе лежало запечатанное письмо. Если бы она могла прочесть хотя бы адрес! Она поправила сыну подушку и поцеловала его. Кажалось, он уснул со словами:

*Я знаю, да я знаю,
Что жив Спаситель мой,
Что в Нем я обретаю
Дар жизни неземной.
Я знаю, Кто в мгновенье
Отчаянья и бег
Дарует мне спасенье,
И помощь, и совет...*

Глава 13

Ночь опустилась над долиной. Еще с вечера собиралась гроза. Небо было затянуто тучами, вдалеке гремел гром. А у плотины слышался сильный шум воды.

В эту ночь, когда все живое искало укрытия, свекровь наказала Еве оставаться в хлеву и разбудить ее в полночь. Нужно было напоить снадобьем еще одну корову и двух бычков. Две другие коровы уже «поправились», и их можно было продать. В этот раз мельничиха сама отправилась в Цитково за травами. Вернулась она очень уставшая и решила прилечь ненадолго, зная, что Ева не ослушается и разбудит вовремя. На Георга мельничиха не могла положиться, а Томас не проснулся бы и сам. Ей и в голову не приходило, что невестка устала после целого дня работы в поле.

Но Еве было не до сна. Сколько раз порывалась она просить свекровь отказаться от снадобий! Как измучилась в эти дни от того, что родные гnevят Бога и Георгу приходится помогать им! А теперь она сама должна уча-

ствовать в колдовстве. От одной мысли об этом у Евы холодело в груди. Но если она откажется, мельничиха придет в бешенство, настроит против нее Томаса, и вновь начнутся мучения! А он так изменился и, казалось, вот-вот полюбит!

Сидя в хлеву рядом с Георгом, Ева вновь и вновь перечитывала те места в Библии, где говорилось о колдовстве. «Если я стану помогать в этом, Бог разгневается и оставит меня, и я не попаду к Нему и к моей доченьке!» — думала бедная женщина, и ей казалось, что пропасть вот-вот отделит ее от Бога. В отчаянии она ломала руки. «Но ведь это не твой грех, — словно нашептывал кто-то, — ты только выполняешь повеление свекрови. Вина ложится на нее. Бог видит, что ты ничего не можешь изменить. Если же ты откажешься участвовать в колдовстве, Томас может отвернуться от тебя навсегда...»

«Кто преднамеренно грешит, будет изгнан, — тут же вспоминалось Еве. — Что хуже: гнев Иисуса Христа или Томаса?» Не в силах справиться с душевной мукой, Ева упала на колени. Вдруг она поднялась и обернулась к Георгу.

— Георг, иди спать! — сказала она странным голосом.

Георг недоуменно посмотрел на нее.

— Зачем мне уходить? Что вы здесь будете делать одна?

— Мы вместе уйдем.

— Что вы? А хозяйка? Ее же нужно разбудить!

— Знаю, Георг, но нам нельзя ей помогать: Бог отвернется тогда от нас! Но и ей нельзя этого делать.

Ева схватила приготовленные травы и убежала из хлева.

— Ева, куда вы? — в ужасе закричал Георг и бросился вслед за ней. У плотины он догнал ее, но Ева успела бросить все в воду.

— Что вы наделали! — Георг схватился за голову.

— *«Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим!»*¹. Я очистила наш дом.

— Но что теперь с вами будет?!

— Будь, что будет. Лишь бы мне не разгневать Иисуса Христа! Я готова все потерять,

¹ Исх. 20:3.

только не Бога! Иди спать, Георг! Ложись сегодня в сарае, чтобы утром тебя не нашли в хлеву.

Ева пожалала дрожащими руками его мозолистую руку и побежала в дом. Вспышки молний освещали ей путь, и, словно победная музыка, звучали раскаты грома.

— Господи, огради ее! — взмолился Георг. — Она все берет на себя!

Ева неслышно поднялась в свою комнатку и бросилась на кровать. Радость наполняла ее сердце. Пока жива, она будет принадлежать Иисусу! По-новому звучали теперь для нее слова: *«Иго Мое благо и бремя Мое легко»*¹.

«Ради Христа я вынесу все!» — думала Ева засыпая.

Ранним утром мельничиха проснулась и тут же вскочила с кровати.

— Заснула негодница и меня не разбудила!

Забыв одеться, она бросилась в хлев. Не найдя ни Евы с Георгом, ни снадобий, мельничиха пришла в ужас. Может быть, они в сарае? Она подбежала к сараю и, распахнув

¹ Мф. 11:30.

дверь, едва не задохнулась от злобы: на соломе мирно спал Георг.

— Ну погоди, я тебе покажу!

И мельничиха, как фурия, кинулась на чердак.

— Ева!.. — крикнула она так, что стены задрожали.

— Что вам, мама? — проснувшись, спокойно спросила Ева.

— Где я тебе велела быть?! — закричала свекровь, побелев от гнева.

— В хлеву.

— Так почему же ты здесь?

— Я была в хлеву до полуночи.

— Почему ты меня не разбудила, как я тебе велела?!

— Потому что вы хотели заниматься колдовством, и мне бы пришлось помогать вам, но это грех, и Бог наказал бы за него.

Мельничиха остолбенела.

— Ты что говоришь, несчастная? Ты учить меня вздумала?! Значит, ты нарочно меня не разбудила? А куда ты дела травы?

— Я все выбросила в реку. Можете меня убить, но грешить я не буду...

При этих словах мельничиха схватила невестку за волосы и, распахнув дверь, столкнула Еву с лестницы.

— Что здесь происходит? — из комнаты выбежал разбуженный шумом Томас.

— Я часами собирала травы, снадобья готовила, а она все выбросила, подлая, и Георга подговорила! Видано ли такое?!

— Это правда, Ева?

— Да, Томас!

— И ты сознаешься в этом? — Томас был потрясен.

— Да, сознаюсь. Все это время я мучилась от страха, что Бог накажет вас за то, что вы призываете других богов. А вчера я поняла, что ждет всех нас. — Ева тяжело дышала. — Я не могла гневить Бога и не хотела, чтобы вы грешили. Я все это сделала, потому что люблю Бога и вас, и лучше мне умереть, чем грешить.

Ева закрыла глаза и впала в забытие. Она не чувствовала, как Томас поднял ее на руки, проклиная мать. Не узнала она и о том, что происходило в душе мужа, когда он бережно укладывал ее на свою постель.

«Она смогла все взять на себя, чтобы ответить от нас наказание Божье! Я бы никогда не решился на такое!» Томас почувствовал, что слезы наворачиваются ему на глаза.

— Ева, Ева! — позвал он и поцеловал ее в горячие губы. «Что если она не очнется?» — в страхе подумал он.

Вскоре Ева открыла глаза. Печально и недоуменно смотрела она на мужа.

— Почему ты так смотришь на меня, Ева? Ты меня не узнаешь? — Томас в отчаянии пытался привести ее в чувство. — Ева, что с тобой?

— Я очень ударилась головой, — еле слышно сказала она. — Спасибо тебе. Заступись за Георга, он не виноват ни в чем.

— Не волнуйся, — успокаивал Томас. — Где у тебя болит?

Ева показала на висок и затылок.

— Но шум уже проходит...

Она попробовала подняться с постели. «Если бы я поторопился, мать не успела бы ее столкнуть с лестницы», — корил себя Томас. Ева оправила волосы и платье.

— Отпусти меня к моей матери, — попросила она.

У Томаса сердце сжалось от этих слов.

— Ты хочешь ей пожаловаться на нас?

— Я не буду жаловаться, отпусти меня.

— Хорошо, тогда пойдем вместе.

— Ты пойдешь со мной? — обрадовалась Ева.

Томас кивнул. Она встала, но, подойдя к лестнице, пошатнулась и, если бы Томас не подхватил ее на руки, упала бы.

У себя в комнатке Ева переоделась в праздничное платье, повязала нарядный платок. Томас тоже переоделся и помог жене спуститься вниз. Она умылась, и ей стало легче. Молча отправились они в путь.

То и дело Томас замедлял шаг, замечая, что Еве тяжело идти. Так подошли они к лесопилке.

— Не могу больше, — прошептала Ева, опускаясь на траву. — Дай мне здесь умереть.

Потрясенный этими словами, Томас подхватил жену на руки и вошел в хижину Мурани. Тетушка Мурани помогла Еве прийти в себя и стала расспрашивать о том, что произошло.

— Беда со мной стряслась. Упала с чердачной лестницы и очень ушиблась. Я хотела пойти к матери, думала, станет лучше, если пройдусь. Но не могу больше идти, позвольте мне у вас передохнуть. Господь Иисус воздаст вам.

— Ах, Ева, да я тебя и не отпущу никуда! — запрочитала тетушка Мурани.

— Я пойду домой, запрягу быков, а потом отвезу ее, — сказал Томас, нервно перебирая пуговицы на рубахе.

— Оставь ее у нас до вечера, пусть отдохнет. Потом увезешь, а то люди удивятся, увидев вас.

Старушка уложила Еву в чистую постель и влажным платком обвязала ей голову. Томас молча вышел.

На мельнице не было ни души. Мельничиха побежала к дочери поделиться своим не-

счастьем, Георг пас на лугу скот. Томас мог остаться наедине с самим собой, но одиночество страшило его. Он словно видел, как Ева падает с лестницы, снова слышал ее признание. Чем они воздали ей за любовь?!

Глава 14

Я ей покажу! — утешала плачущую мать Анна. — Подумать только, выбросила все травы в реку! Что плохого может быть от этих снадобий? Я пойду с тобой. Если Томас не извинится за свои проклятия и не накажет Еву, я тебя там не оставлю, мама, ты переедешь к нам!

Но это были лишь слова, Анна ни за что не стала бы жить с матерью. Ни дня не прожили бы они мирно. Мать привыкла командовать, а дочь давно разучилась быть послушной.

«Уж я вразумлю Томаса», — думала Анна, уверяя мать в своей преданности.

Запахавшиеся, подошли они к мельнице. При виде бледного, изменившегося в лице сына мельничиха притихла. Но Анна была полна решимости.

— Как ты обращаешься с матерью? — накинулась она на брата. — Как ты мог ее проклинать?

— Замолчи! — закричал Томас. — Кто тебя сюда звал?

— Ты можешь кричать сколько хочешь! Где твоя святая Ева? Хочу спросить ее, может ли невестка быть такой наглой? Где она?!

— Что тебе нужно от моей жены? Она тебе не прислуга!

— Ты посмотри только, как он ее защищает! — нервно рассмеялась Анна.

— Да, защищаю от вас, ведьм! Хорошие вы христианки: ходите в церковь и бегаετε потом к ворожее!

Анна никак не ожидала услышать такое. Резкость, с которой говорил брат, испугала ее.

— Мне самому давно нужно было выбросить все ваши снадобья и положить конец колдовству! — все больше горячился Томас. — Ева сохранила дом от Божьего наказания, а ты, мать, избилла ее за это!

— Что я сделала? — закричала мельничиха в негодовании.

— Ты еще спрашиваешь? Кто бил ее на моих глазах?

С презрением посмотрев на мать, Томас отвернулся.

— Не бойся, я тебя не трону, но если Ева умрет, я отдам тебя под суд. Расскажу, как и сам с ней обращался, потому что ты меня настраивала на нее. Расскажу, как ты колдовала, а потом столкнула ее с чердака.

— Ты в своем уме? Да что с тобой? — начала примирительно мать. Она знала, что сын упрям и всегда стоял на своем. — Ты что из-за этого такой шум поднимаешь? Скажи, где Ева, мы поможем ей, если она так ушиблась.

— Вас только и не хватало! — Томас снова перешел на крик. — Я хотел увести ее к матери, но она не могла идти и около лесопилки упала без чувств. Теперь она у Мурани, тетюшка Мурани позаботится о ней. Там-то ей никто зла не причинит! И пусть они все узнают!

Мать с дочерью испуганно переглянулись. Они стали упрашивать Томаса забрать Еву, но он был неумолим.

— Кто бы подумал, что из-за этого чудовища столько бед будет! — сокрушалась мельничиха, оставшись наедине с дочерью.

— Да, у тебя будут еще неприятности! А что люди скажут? — вторила ей Анна. — Знаешь что, я пойду сейчас к Мурани и узнаю, что с ней. Я тетушке Мурани расскажу, как дело было.

— Да она, подлая, наверное, уж все рассказала, — мельничиха готова была плакать от злости.

Кое-как успокоив мать, Анна пошла поговорить с братом. Но напрасно уговаривала она его смягчиться. Не помогли и слова о том, что мать может уйти и забрать все с собой.

— Пускай уходит и забирает, что хочет, я ее видеть больше не могу! Она обманула Еву, а потом натравливала меня на нее. А теперь, когда я ее полюбил, мать чуть не убила ее на моих глазах! Пусть идет, куда хочет, я ее не держу!

Испугавшись, что ей действительно придется забрать мать к себе, Анна незаметно ушла с мельницы.

А в лесной хижине тетушка Мурани с сыном по очереди сидели у постели Евы, с состраданием глядя на ее пылающее лицо.

— Какая она красивая! — шепотом сказала старушка. — Жаль, что попала в этот дом! Мельничиха женила на ней сына только потому, что надеялась на хорошее приданое.

Мать стала рассказывать Михелю о том, что говорили в селе о семье Зарадски. Но заметив, как печально сын смотрит на Еву, она замолчала. Ева застонала и открыла глаза.

Михель нагнулся к ней:

— Как вы себя чувствуете?

— Я не согрешила! — улыбнулась она. — Я все выбросила в воду, им нечем теперь колдовать. Я так боялась, но теперь уже не боюсь. Умереть не так страшно, как жить. Я уйду домой, «в доме Отца моего обителей много»... Там моя доченька...

Ева снова закрыла глаза. Мать с сыном переглянулись.

— Бредит она, сынок. Что с ней делать?

— Сначала мы попросим Иисуса Христа о помощи, а потом пошлем за врачом.

— Но они не захотят платить за врача, — заволновалась старая женщина.

— Тогда заплачу я, мама. Ты помнишь, что сделал милосердный самарянин? Я знаю, ты

ведь не хочешь быть такой, как священник, который прошел мимо раненого.

Михель с матерью опустились на колени у постели Евы и помолились. Потом Михель отправился за врачом, а тетушка Мурани осталась около больной.

Неподалеку от лесопилки Михель встретил Анну. Не решаясь посмотреть ему в глаза, она спросила:

— Ева у вас?

— Да, — спокойно ответил Михель.

— Что с ней?

— Она в бреду, у нее жар. Что вы с ней сделали?

Анна нарочито обиженно проговорила:

— Мы? А что мы могли с ней сделать?

— Бог все видел и слышал, перед Ним ничего не скроете. Людей можно обмануть, а Бога не обманешь.

— Зачем вы мне это говорите? — Анна побледнела и, не дожидаясь ответа, принялась рассказывать о том, как они с матерью хотели вылечить коров, а Ева выбросила в реку все травы. И как потом, когда мать нашла ее в чердачной комнате и стала ругать, Ева хотела убежать и упала с лестницы.

— Значит, Ева страдает и, может быть, умрет лишь потому, что не хотела помогать вам, — Михель тяжело вздохнул. — Вы еще молоды, — добавил он строго, — но уже забыли о том, что Бог наказывает нарушающих Его заповеди. Если вы не попросите от всего сердца милости у Иисуса Христа, Который умер за ваши грехи на кресте, Бог навсегда оставит вас, — не сказав больше ни слова, Михель пошел дальше.

Долго еще смотрела Анна ему вслед, словно оцепенев. Напуганная услышанным, она боролась со своей гордостью.

— Каков! — пробормотала она, придя в себя. — Явился откуда ни возьмись и решил всех учить! Не нужно мне твое учение, я буду делать то, что хочу. А Библию я знаю не хуже тебя! — и Анна, разгневанная, пустилась в обратный путь.

Не доходя до мельницы, она остановилась. «Какое мне, собственно, дело до всего этого? На мне нет никакой вины. Пусть мать сама теперь все расхлебывает. Надо было ей быть умнее!» — и она пошла в сторону дома.

Глава 15

В лесу братья Лани валили огромный дуб. Ствол стонал, словно ощущал смертельные удары. Йозеф в последний раз ударил топором, и братья отбежали в сторону. Дерево застонало совсем жалобно и с шумом упало на землю.

— Знаешь, Йозеф, — сказал Мартин, подходя к дереву, — в Слове Божьем тоже говорится о сваленных деревьях. Там сказано: *«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь»*¹. Здесь имеются в виду люди. Весь мир — большой лес. Бог на нас смотрит и видит тех, кто не приносит доброго плода.

Вытирая пот со лба, Йозеф удивленно посмотрел на брата. Что он говорит? Уже несколько дней он ведет себя так странно...

— Что это ты вдруг? — спросил Йозеф, естественно рассмеявшись. — Раньше ты не был таким набожным.

¹ Мф. 3:10.

— Верно, — согласился Мартин.

Они сели передохнуть возле срубленного дуба. Мартин вдруг почувствовал, что не может больше молчать и должен обо всем рассказать брату. Чем дольше слушал его Йозеф, тем больше изумлялся.

— Так я пришел к Христу, — закончил Мартин, — и Иисус принял меня и простил.

— Ну и что ты теперь собираешься делать? — в недоумении спросил Йозеф.

— С Божьей помощью буду жить, как Бог велит, по Его святым заповедям. Рай я не могу заслужить, его Иисус Христос дарит мне. Но я хочу жить праведно из благодарности за то, что Он меня любит и прощает. Йозеф, прошу тебя, — Мартин взял брата за руку, — вернись и ты к Богу, ибо и ты далек от Него.

— Я уже счастлив, — ответил Йозеф, отстраняя руку брата. Сердечность Мартина была для него подобна раскаленным углям. Он чувствовал, как далек от Бога.

О, если бы Мартин обо всем узнал!

— Давай отдохнем, намучились мы с этим деревом, — после некоторого молчания сказал Йозеф и, устроившись прямо на земле, вскоре заснул.

«Так и меня Бог мог бы срубить, — думал Мартин, разглядывая поваленное дерево. — Наверное, Иисус Христос и за меня просил, как тот виноградарь, которому было приказано срубить бесплодное дерево. Как часто я слышал Евангелие и не понимал его! А теперь понимаю... Милосердный Бог помиловал меня. Может быть, и этому дереву было больно, когда мы рубили его. А теперь оно уже не чувствует боли. Так и смерть приходит и сваливает нас, иногда не сразу, а постепенно. Что человек чувствует, когда душа покидает тело? Наверное, боль. Приходит ли тогда Господь на помощь? Это я узнаю, когда наступит мой последний час. Думаю, что Он меня не оставит, ведь я Его дитя»...

Долго еще стоял Мартин в раздумье. Он словно помолодел, и лицо его светилось добротой, кротостью и любовью. Исчезло привычное выражение подавленности и усталости.

«Но почему я думаю о смерти? Ведь я еще молод...» Он лег рядом с братом и стал снова думать о том, как жить по воле Божьей, как воспитывать дочь, чтобы и она научилась лю-

бить Господа. Мартин уснул, и ему приснилось, что он вел Анну и Йозефа ко Христу.

Вернувшись вечером домой, Мартин понял, что еще нескоро жена его сможет прийти к Богу. С возмущением рассказывала Анна о случившемся на мельнице и, как могла, очерняла невестку. Каково же было ее удивление, когда Мартин не только заступился за Еву, сказав, что она всем оказала благодеяние, но и ей самой запретил заниматься впредь колдовством.

Анна отвернулась от мужа, лишив его того проблеска любви, который был ему утешением в последнее время. Но ничто не могло уже изменить решения Мартина, он пришел к Богу, и обратного пути не было. Как и Ева, он готов был лишиться всего, лишь бы остаться с Христом.

Глава 16

 смотрев больную, врач покачал головой. Только чудо могло теперь спасти молодую женщину после столь сильного сотрясения мозга. Врач выписал лекарства и велел соблюдать покой.

Не сказав никому об опасениях врача, Михель отправился в город за лекарствами. На обратном пути он заехал на мельницу.

— Что случилось? — испуганно спросил Томас.

— Ева очень больна. Врач сказал, что ей необходим покой, так что вам придется доверить ее нам.

— Он не сказал, что она может умереть? — Томас умоляюще посмотрел на Михеля.

Он чувствовал, что Мурани расположен к нему по-дружески.

— Жизнь и смерть в руках Божьих. А теперь поедем к ней.

Шатаясь словно пьяный, Томас пошел вслед за Михелем к повозке. На мельницу он и не оглянулся. К чему она была ему теперь? Лошади шли быстро, но путь к хижине показался Томасу бесконечно долгим.

Томас склонился над женой и едва не застонал от боли. С горьким укором смотрела на него тетушка Мурани. Ей казалось, что сердце у него, как камень. А Томасу действительно хотелось окаменеть и ничего не чувст-

зовать. Он обманул ту, которой клялся в любви перед Богом и людьми, и уже ничего нельзя было исправить! Он готов был отдать за нее жизнь, но разве поверила бы она в его любовь? И теперь он должен оставить ее у чужих людей. Но что если она умрет?!

Михель осторожно разбудил Еву, и тетюшка Мурани поднесла ей лекарство, ласково приговаривая. Как был благодарен им Томас за заботу! Ему вспомнилось, как после родов Ева осталась одна на чердаке, совсем больная, и никому не было до нее дела.

Выпив лекарство, Ева обвела всех безучастным взглядом.

— Ева, Ева! — не выдержав, позвал Томас в отчаянии. — Ты не узнаешь меня? Скажи мне хоть слово! Ты сердишься на меня?

Преодолевая боль, Ева прошептала, пытаясь улыбнуться:

— Нет, Господь Иисус учит нас всех любить... — и она вновь закрыла глаза.

— Не стоит ее волновать, — Михель отвел Томаса от постели. Тетюшка Мурани заметила, что на молодом мельнике лица не было, но жалости к нему она не испытывала и не хотела

утешать его. А Томас так нуждался в утешении! Сердце его разрывалось от отчаяния. Он предпочел бы умереть, чем лишиться Евы, но как убедить ее в этом?

А что же Михель? Неужели и в нем не было жалости? Он всем сердцем сочувствовал Томасу, помня о том, что «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»¹, но не находил слов утешения.

Глава 17

Мартин сидел у постели Евы, глядя ее тонкую горячую руку. Слезы текли у него по щекам.

— Не отчаивайся, Бог милостив! — заговорил он со стоявшим у окна Томасом. — Он может исцелить Еву. Пойдем во двор, расскажи мне о том, что случилось. «Если он сможет кому-то открыться, ему станет легче», — думал Мартин.

¹ Мф. 18:11.

Они вышли из хижины. Томас рассказал все, как было, обвиняя себя и мать. Мартин пришел в ужас от услышанного.

— Ах, Томас, какая беда! — проговорил он наконец. — Ева не станет жаловаться на тебя даже перед Богом. Но Бог все видел и слышал. Он не хочет смерти грешника. Сын Божий умер на кресте за мои и твои грехи. Попроси Его, и Он помилует и примет тебя. Сейчас тебе тяжело, но не думай, что Господь оставил тебя. Представь, если бы мой отец наказывал меня, он все равно остался бы моим отцом. Так и Бог!

Никогда не думал Мартин, что сможет поведать гордому Томасу Зарадски о том, как Иисус нашел его и простил, как принял его и подарил ему радость. Не ожидал он, что Томас станет слушать его с таким вниманием. Но пути Господни неисповедимы. Прежде столь далекие друг другу, Мартин и Томас вернулись в хижину по-настоящему близкими друзьями.

Мельничиха с дочерью зашли навестить больную. Но вовсе не чувство вины привело сюда старую Зарадски. Глядя теперь на невестку, она не испытывала никакого сострадания и сокрушалась лишь о том, что та доставила им столько неприятностей: «Сама во всем виновата! И зачем она пошла к матери? Лежала бы дома, никто ничего и не узнал бы». Нужно было любой ценой вернуть ее домой. Что станут говорить люди! Вот и мельничиха не скрывала уже своих чувств. Придется хорошенько заплатить врачу, чтобы он разрешил перевезти больную.

По дороге на мельницу мать со слезами упрашивала сына отвезти Еву домой. Да, она обошлась так с невесткой сгоряча, но теперь раскаивается и готова искупить вину. Только окажись Ева на мельнице, и она будет ухаживать за ней, как за родной дочерью. Так уговаривала она сына, пока Томас не сдался и не разрешил поговорить с врачом. Горько было оставлять жену в чужом доме.

Выслушав мельничиху и приняв подарки, врач разрешил осторожно перевезти больную на следующий день и обещал навеститься к ней. Что была для него простая крестьянка?

Уже несколько недель Ева никого не узнавала. Она почти ничего не ела и не говорила ни слова. Томас похудел, стал молчалив и ни в чем не находил утешения. Ночи напролет проводил он у постели жены, лишь изредка сменял его Георг. Мать Томас никогда не оставлял с Евой.

— Тебе я не доверяю, — сказал он ей однажды, — мало ли что ты с ней сделаешь.

Каждый день Еву навещал Михель, часто встречая на мельнице Мартина. Они много говорили о вере, и всякий раз молодой мельник присутствовал во время разговора. Мельничиха же неизменно выходила из комнаты, лишь бы не слышать ничего подобного.

Однажды воскресным утром мельничиха отправилась в церковь. Томас сидел у постели Евы, не отводя глаз от жены. В белой сорочке она напоминала тающий на весеннем солнце снег. Думая, что его никто не видит, Томас заплакал от горя.

— Не плачьте, — услышал он вдруг рядом с собой.

Томас обернулся и молча указал на дверь.

— Не выгоняйте меня! — в голосе Георга было столько сострадания, что Томас не смог

настаивать. — Если бы ей было не так плохо, она искала бы утешение в Библии. Прочтите что-нибудь вслух, прошу вас.

Не дожидаясь ответа, Георг принес Библию и раскрыл ее там, где Ева читала в последний раз в хлеву. Томас прочел о расслабленном, которого Иисус исцелил.

Георг слушал, склонив голову на руку. Вдруг он встрепенулся:

— Но ведь мы поступаем неправильно!

Томас удивленно посмотрел на него.

— Те, что принесли расслабленного к Господу, просили за него, и Господь его исцелил, — сказал Георг.

— И я заказал молебен в церкви.

— А в Евангелии они молились сами. Давайте и мы помолимся, прямо сейчас! Господь услышит нас и исцелит ее.

Георг стал молиться, и Томас, ободренный его словами, опустился рядом с ним на колени. Казалось, Георг видит Самого Иисуса у постели больной, так вдохновенно он молился. Но Томас не мог произнести ни слова. Он вдруг почувствовал, что Бог свят, а он грешен. Между ним и Христом стоял его грех.

Напрасно ждал Георг молитвы Томаса. Поднявшись с колен, он увидел, что мельника уже не было в комнате.

Глава 18

Почему я не могу молиться? Георг и тот может, а я нет! — Томас не находил себе места. — Разве я хуже других? Ведь многие с женами обращаются еще более грубо, кто-то даже бьет родителей! Почему они могут молиться? Но молятся ли они? А я разве молился когда-нибудь? Ведь я только повторял молитвы вслед за матерью. Георг молился так, словно видел перед собой Бога!»

— Господи, будь милостив ко мне, грешнику! — взмолился Томас в отчаянии. Вдруг боль, сковывавшая сердце, отпустила, и неиспытанная доселе радость наполнила душу молодого мельника. Он взглянул еще раз на реку и медленно пошел к дому. На пороге он остановился и прислонился к дверному косяку, наслаждаясь тишиной и покоем. И тут он услышал, как в комнате Георг воскликнул ра-

достно и в ответ ему — возможно ли? — долгожданный голос произнес: «Иисус Христос добр...»

— Ева! — забыв всякую осторожность, Томас бросился к жене и прижал ее к себе.

Густой румянец покрыл бледные щеки больной. В последние дни, когда сознание стало возвращаться к Еве, все казалось ей сном. Пробуждение страшило ее, она боялась, что наяву не будет нежной заботы Томаса, его лица, склоненного над ней. И вот он обнимает ее, покрывая поцелуями ее лицо. Это был не сон! Но возможно ли на земле такое счастье? Ева обвила руками шею мужа, и он заплакал от радости, как дитя.

— Господи, прости меня! Ева, прости меня!.. — только и мог он произнести.

— Господь так милостив, Томас! — Ева обняла мужа. — Он любит нас.

— Поверь мне, Ева, прошу тебя, я все исправлю. Ты поправишься и увидишь. Только не засыпай опять! — воскликнул он в страхе.

Ева была еще очень слаба. «Какое это было бы блаженство — умереть теперь», — дума-

лось ей. Но она не хотела причинять боль Томасу. Преодолевая слабость, она попросила:

— Дай мне, пожалуйста, немного молока.

Ликуя, выбежал Томас из комнаты исполнить первую просьбу любимой.

— Ведь он любит меня, Георг?

— Как ему вас не любить! — Георг весь светился радостью. — Как он заботился о вас, сколько плакал! Он теперь совсем другой. Не напрасно я молился, чтобы Господь нашел его. Я думаю, если бы с вами этого не случилось, он не стал бы таким, как сейчас.

Томас принес молока и стал поить Еву, как ребенка.

Вернулась мельничиха. Зайдя в комнату, она увидела, с какой любовью сын ухаживал за женой. Это тронуло ее на мгновение. Она несмело подошла к постели невестки, не заметив, как Ева забеспокоилась при ее появлении.

— Простите, мама, что я причинила вам столько хлопот!

Мельничиха вздрогнула от неожиданности. И так неловко стало ей от этих слов, что она едва нашла в себе силы подать невестке

руку и тут же вышла, будто бы подогреть еду для больной.

— Ева, ты действительно не сердишься на мать? — спросил Томас, заглядывая в сияющие глаза жены.

— Господь нам так много простил, разве мы не можем простить малого?

— И мне ты все простила?

— Все, Томас, все...

— А тебе не страшно все начать с начала? — голос Томаса дрожал.

— Господь поможет мне.

— О, если бы Он и мне помог доказать тебе, что я люблю тебя больше жизни!..

Ева не слышала того, что говорил еще Томас. Потому что уснула глубоким сном. Она пошла на поправку. Кризис миновал!

Глава 19

Как-то вечером тетушка Мурани дождалась сына. Гроза уже прошла, но вдалеке еще слышался гром, и вспышки молний освещали влажные деревья.

Еще до грозы старик Мурани вернулся из леса и сказал, что Михель пошел к Лани. Он часто теперь бывал у них, наверное, там его и застала гроза.

Старая женщина все разглядывала письмо, лежавшее на столе. Когда-то сын пообещал рассказать обо всем, если получит ответ. И вот пришло письмо. Но что в нем? Утешение или новая боль и слезы? Михель был по-прежнему приветлив и ласков, но мать часто слышала, как он тяжело вздыхал, оставаясь один.

Родители не знали, навсегда ли вернулся к ним Михель. Мать предчувствовала, что не долго осталось сыну быть в родных краях. Жизнь старой женщины словно озарилась с его возвращением. И в доме, и на лесопилке он все так хорошо устроил. Если бы она могла его удержать! Как они станут жить без него? Вот и соседи все, кроме нескольких насмешников, полюбили Михеля, ждали воскресных встреч на лесопилке, когда можно было побеседовать о Библии. Мартин приходил и в будни. Если бы Михель остался, многие бы пришли к Богу. Но если все-таки жива его жена,

то он не останется здесь один. Матери казалось, что счастье, встретившееся ей на закате дней, уйдет с ним в далекие края.

Послышались знакомые шаги, старая женщина встрепенулась. Она не знала, отдать ли сразу письмо или подождать. Если в нем добрая весть, то зачем таить, а если плохая?

— Ты еще не спишь, мама? — сняв мокрый пиджак и сменив обувь, Михель вошел в комнату.

— Я тебя ждала, сынок.

Взглянув на стол, он заметил конверт. Мать почувствовала, как бьется от волнения ее сердце. Что он прочитал в письме? Вдруг Михель опустил письмо.

— Мама!

Никогда еще не видела старая женщина такого лица. Вне себя от радости она протянула руки к сыну, и он, ликуя, опустился на колени у ее ног.

— Мама, Господь даровал мне то, о чем я и не мечтал!

— Сынок, расскажи мне!

— Я расстался с любимой женщиной, потому что она не хотела идти за Иисусом. Я от-

пустил ее, помня слова апостола: «Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее... Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится»¹. Я уповал на то, что она ко мне вернется, если придет к Христу. Недавно ее брат написал мне, что она хочет развода, и он просил моего согласия. Господь утешил меня в этой горе. Я дал согласие, не хотел насильно привязывать ее к себе. Но я написал ей письмо и еще раз попросил вернуться к Господу и ко мне. Как я молил Бога об этом! И она решилась идти за Господом и хочет вернуться, но не одна. Милосердный Бог подарил нам сына! Мама, мне было бы не справиться одному с этой радостью сегодня!

Это была счастливейшая ночь в лесной хижине. Михель пел Господу, и старики готовы были вторить ему. Далеко за полночь, утомленные, но с сияющими лицами, собрались они лечь спать.

— Но ты, наверное, теперь оставишь нас? — решился наконец спросить отец.

¹ 1 Кор. 7:12,15.

Михель обнял опечалившихся родителей.

— Я к вам пришел ненадолго, чтобы рассказать о Христе, Который вас ищет, чтобы в тот день, когда соберутся все дети Божьи в доме Отца, и мы встретились бы там. Пообещайте мне, что будете молить Бога о живой вере в Спасителя и в вечную жизнь.

Растроганные родители дали сыну такое обещание. И он пообещал им привезти жену и сына.

— Не горюйте, я ведь не завтра уезжаю.

Глава 20

Йозефу не спалось, он вышел в сад. На следующее утро Лани всей семьей собирались идти в церковь исповедаться и причаститься. Было принято время от времени всей семьей ходить на исповедь. Лани и раньше ходили вместе. Но в этот раз, когда Мартин предложил всем пойти в церковь, в гостях был Михель. «Вы тоже готовитесь к причастию?» — спросил Муранни и как-то странно посмотрел на Йозефа с Анной. «А вы уверены, что будете достойны вечера Господней?»

Как нож в сердце, были эти слова для Йозефа. Но Анна принялась доказывать, что именно грешник нуждается в исповеди. Тогда Михель прочел из Библии о причастии, о том, что нельзя принимать его недостойно.

— Но ведь священник прощает нам грехи, — не отступала Анна.

Долго убеждал ее Михель, что грехи прощает только Бог, а непримиренный с Богом и с теми, перед кем виноват, вкушает хлеб и вино в осуждение себе. Но все было напрасно, Анна не соглашалась.

Йозеф знал, что не мог идти к причастию, не повинившись перед братом. Но как страшна была его вина! Ведь он не устоял, и по-прежнему они жили с Анной, как муж с женой, и не могли расстаться. А Мартин, хотя был немногим старше, обращался с ним с отеческой нежностью. И чем он, Йозеф, воздал брату?! Пусть никто ничего не замечает, но долго ли может так продолжаться? Душа Йозефа жаждала прощения. Если бы это был только его грех! Он сознался бы, чтобы избавиться от страшной тяжести.

Йозеф не находил себе места, будущее страшило его. «Нужно идти к Мартину! —

вдруг осознал он. — Пусть даже он выгонит из дому, все лучше, чем эта мука!» Он должен взять всю вину на себя, сказать, что соблазнил Анну, так будет легче Мартину. Исполнившись решимости, Йозеф побежал к дому, нельзя было терять ни минуты.

Мартин мирно спал в пристройке, где братья часто ночевали вместе. «Так спать может только примиренный с Богом человек, — подумал Йозеф. — Разбудить его теперь и рассказать о том, что жена ему неверна?!» У Йозефа руки опустились. Нужно было дожидаться утра.

Йозеф проснулся от прикосновения Анны.

— Вставай скорее, мы опоздаем к причастию!

— И ты хочешь идти?! Анна, ведь мы не примирились с Богом! — сказал в страхе Йозеф.

— Видно, и тебя уговорил этот святоша с лесопилки, — Анна презрительно усмехнулась.

— Уговорам я не поддаюсь! — рассердился Йозеф. — Но меня мучает наша вина! Мы недостойны идти в Божий дом, не признавшись во всем Мартину.

Анна отшатнулась в испуге.

— Иди, жалуйся! Посмотрим, кому Мартин поверит, тебе или мне. Я ни в чем не признаюсь!

— Тогда лучше не пойдем на причастие... — стал уговаривать Йозеф, чувствуя, что Анна сделает так, как сказала.

— Как хочешь, я пойду с мужем! — заносчиво ответила она.

— Не грехи против Бога!

— А разве он мне не муж? — спросила она с издевкой.

— Ты только сейчас об этом вспомнила? Ты не думала об этом, когда...

— Замолчи! Что было, то было... Забудь об этом! Я пойду на причастие, получу прощение грехов, и все будет, как прежде, до тебя!

Анна выбежала за дверь. «Теперь и ты можешь идти к причастию, и все будет хорошо», — словно нашептывал кто-то Йозефу.

Перед уходом Анна в присутствии Йозефа простила мужа заученными словами. Мартин обратился к брату, и тому показалось, что земля уходит у него из-под ног. Ни за что на свете не произнес бы он: «Бог простит тебя».

По дороге в церковь Анна так и льнула к мужу, улыбалась ему, как невеста жениху, будто хотела вознаградить наконец за все. Она словно не замечала прикованного к ней взгляда Йозефа. А в сердце несчастного любовника разгоралась ревность. Лишь теперь понял он, как привязался к Анне.

Ни слова не расслышал Йозеф из того, что говорил священник, проповедь казалась ему непонятным шумом. Бездумно подходил он к алтарю — для прощения грехов, с которыми не мог расстаться, для причастия, которое подавалось со словами: «Дано для прощения грехов вам, примиренным с Богом, будущим наследникам Царства Небесного». В третий раз склонившись рядом с Мартином и увидев его светящееся радостью лицо, Йозеф едва сдержался, чтобы не ударить брата.

Анна благоговейно склоняла голову, спокойно отвечала на вопросы священника. Пусть Мурани говорит что угодно, ее грехи

прощены! Теперь она могла жить, как прежде. Выходя из церкви, Анна заметила, каким взглядом провожал Йозеф Мартина. Победная улыбка заиграла у нее на губах. Чем преданней она будет мужу, тем желаннее — для Йозефа.

Глава 21

После церкви Лани зашли на мельницу. Ева выздоравливала и уже понемногу ходила. Томас не мог налюбоваться женой и в свободные часы не отходил от нее ни на шаг. Вот и теперь они вместе читали Библию.

Анна видела, как брат полюбил жену. И хотя старалась казаться приветливой с невесткой, но всякий раз чувствовала себя неловко в ее присутствии и держалась поближе к матери.

— Ну как, мама, стал Томас лучше относиться к тебе? — участливо спросила Анна нахмуренную мельничиху.

— Молчит все, но я здесь не останусь. Видела бы ты, как он носится со своей Евой. Твой Мартин и не сравнится с ним. Вчера вечером она вышла, когда никого не было в комнате, так он с ног сбился, отыскивая ее, а как нашел — на руках принес в дом.

Анна так и ахнула. Значит, Еву любят больше, чем ее! Будь она женой Йозефа, все узнали бы, кто самый нежный муж в округе!

— Терпеть ее не могу, — шепнула мельничиха. — Едва сдерживаюсь. Она станет теперь важничать, а я буду ее прислугой!

— Что ты, мама? Ты же говорила, что уйдешь жить к тете и она уже давно ждет тебя. Если ты к ней переедешь, она может оставить наследство тебе, а не Томасу.

— Да я бы пошла, но как мне такой невестке уступить дом? Я ведь все сама нажила, а она будет здесь хозяйничать! — всхлипывала мельничиха. — Но Томас еще пожалеет. Все, что смогу унести, возьму с собой. Коров заберу и тебе одну подарю. А с полей и мельницы он должен будет мне отдавать половину дохода. Тогда он узнает, какая польза от молитвы!

— Молись, не молись, а из пустой чашки не напьешься. Так и сделай, мама!

Между тем в комнате обсуждали прочитанный отрывок. Йозеф с нетерпением ждал конца беседы. В другой раз он обязательно напомнил бы Томасу о его прежних взглядах, но теперь, вспомнив о причастии, только предложил пойти немного развлечься, коль скоро Ева почти поправилась.

— Ева, наверное, отпустит тебя, — добавил Йозеф, заметив удивленный взгляд Евы. — Не станет же она вечно держать тебя дома...

— Я не могу больше грешить. Веселитесь теперь без меня, — оглянувшись на Еву, сказал Томас.

— Верно, — вмешался Мартин. — А ты, Йозеф, ведь только что из церкви, — обратился он к брату.

— Но я еще не такой святой, как вы, — ответил тот с усмешкой, выходя из комнаты.

Томас вышел вслед за ним. Мартин пожалел, что позвал Йозефа к причастию. Прав был Михель: грешно участвовать в вечере Господней по привычке. Мартин рад был остаться с Евой наедине, только она могла его понять.

— Знаешь, я почти желал, чтобы Господь взял тебя к Себе. Мы — люди и многого не

понимаем. Я не мог себе представить, что Бог все так изменит у вас. Томаса теперь не узнать...

— Господь подарил ему частицу Своей любви, — глаза Евы светились счастьем. — Я хотела уйти к доченьке, но теперь я нужна Томасу. Он так ухаживает за мной, не знаю, как и благодарить его.

— Не думай сейчас об этом.

— Я просила свекровь отпустить меня к матери, пока я не в силах работать, но Томас не соглашается.

Еве тяжело было видеть, что свекровь вынуждена ухаживать за ней. Мартин понимал это. Чтобы отвлечь ее от грустных мыслей, он стал рассказывать о том, что испытал сегодня в церкви.

— Не могу передать тебе, как мне сегодня было... Как голодному человеку, которого просят к столу. *«Приходящий ко мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждавать никогда»*¹ — это правда.

¹ Ин. 6:35.

В комнату вошла Анна и напомнила, что пора идти домой. Мартин стал прощаться.

— Поправляйся, Ева, — улыбаясь сказал он. — Довольно матери ухаживать за тобой, ей хотелось бы перебраться к тете.

— Что же ей мешает? — спросил вошедший Томас. — Пусть идет в Градово, если хочет. Мы и сами управимся. Правда, Ева?

Нетрудно было догадаться, как хотелось Томасу остаться вдвоем с женой. И мельничиха, слышавшая весь разговор, затаила в сердце смертельную обиду. После обеда она стала собираться в путь. Ей только хотелось напоследок остаться наедине с Евой. Но Томас догадывался об этом и никуда не отлучался.

Глава 22

т злости и беспомощности мельничиха так и не сомкнула ночью глаз. Если бы она могла справиться со своей гордостью, она сказала бы, что не хочет никуда уходить. Но гордость взяла вверх. На-

утро, когда Томас был на мельнице, мельничиха вошла в комнату невестки. Ева задрожала, как осиновый лист, при ее появлении.

— Только из-за тебя я уйду из собственного дома, — сказала старая Зарадски, готовая растерзать невестку. — Я тебя ненавижу. Ты прикидываешься святой, а сама подстрекала Томаса выжить меня отсюда. Я его вырастила, сколько я с ним мучилась! А теперь на старости лет вот что получила в благодарность. Ты посеяла раздор между нами! Но ты ничего не получишь из моего добра! Я забираю все, что мне принадлежит! Посмотрим, как вы заживете!

Нелегко Еве было снести эти жестокие обвинения. Но она вдруг почувствовала себя виновной перед свекровью. Втайне она выплакала свою печаль и нашла утешение в Слове Божьем и молитве.

Стоило старой Зарадски покинуть мельницу, а было понятно, что вернется она не скоро, как Ева стала поправляться буквально на глазах. Впервые она почувствовала себя хозяйкой в доме, ведь прежде ей приходилось

выполнять только то, что приказывали. И хотя сил было еще мало, она справлялась со всеми делами.

Томас взял ей в помощь Кэтхен Прибис. Девушка выполняла все, что говорила Ева, в доме, в хлеву или на поле. Кэтхен была приучена к работе. С детства отец и мачеха заставляли ее работать. И ей казалось странным, что Ева о каждой мелочи просила. Стоило девушке заметить, что Еве было что-то нужно, как она бежала на помощь.

— Зачем вы за это беретесь? Ведь я здесь для этого, — увещевала она Еву. — Оставьте, или я позову мельника.

И Ева соглашалась, не желая беспокоить мужа. Жили они теперь в любви и согласии. День начинался с чтения Слова Божьего и молитвы. Георг был на вершине счастья и вмес-

те с Евой и Томасом благодарил Господа за Его милость.

На мельнице выполняли все ту же работу, но уже без ругани и крика. Если Томасу случилось выйти из себя, Ева подходила к нему и говорила:

— Не сердись, в следующий раз сделаем лучше. — И взглянув в ее кроткие глаза, он успокаивался.

Томас всегда радовался, когда Ева заходила к нему на мельницу, хотя помочь еще мало чем могла. Вначале все удивлялись, видя, как он переменялся к жене. Но вскоре убедились, что у молодых Зарадски истинная любовь, и радовались вместе с ними. Никто теперь не бранился на мельнице.

Неудивительно было, что Томас перестал навещать в кабак, ведь дома его ждало счастье. Вскоре заговорили и о Еве. Бедные рассказывали, что она то одному, то другому чем-то помогла. У одной вдовы она взяла нянчить детей, чтобы та смогла работать. Никто не знал, как отнесся к этому Томас. Но Кэтхен сказала, что он был согласен. Многие теперь видели в тихой Еве что-то необыкновен-

но прекрасное. Повсюду она сеяла мир и любовь. И никто уже не бросил бы ей: «Тебя ни одна душа не любит!»

Почти каждый день заходили на мельницу Мартин и Михель с матерью. Недолго уже Михелю оставалось быть с родителями. Неожиданным и недолгим было его возвращение в родные края. Но он подарил столько любви и заботы родным и соседям. Показал, как должен жить истинный христианин. Теперь он вновь должен был уйти... Родители были безутешны, горевали друзья и знакомые. Но больше всех жалел об этом Томас, ведь он расставался со своим духовным другом.

Одна Ева не печалилась. Перед отъездом Михеля им довелось еще провести в беседе часы, подобные тем первым, у плотины. Как-то Томаса позвали на лесопилку, Ева решила пойти с ним и осталась там до вечера. Михель пошел проводить ее. По дороге он исполнил свое обещание и рассказал о том, что и его скорбям пришел конец. Он получил от жены второе письмо, в котором она просила его вернуться к ней. Она не может по-настоящему поверить в Божье прощение, прежде чем

не встретится с мужем, перед которым так виновата, и тот не заключит ее в объятия.

— Вы спрашивали, почему я вас покидаю? Видите, это необходимо. Но придет время, когда мы встретимся и всегда будем вместе!

Хотя Ева разлучалась со своим лучшим другом, она не грустила, а от всей души радовалась его счастью и провожала его в молитве в долгий путь.

Ева стала словно ангелом-утешителем для престарелых родителей Михеля. С радостью встречали они ее всегда в своей хижине. Она читала им письма сына и писала Михелю незатейливые, часто без знаков препинания, послания. И в них слышался голос чистого сердца, жившего своим Спасителем. Господь наполнял Еву светом, который она кротко несла ближним.

По ту сторону океана Михелю, ставшему счастливым мужем и отцом, Бог доверил большой труд проповедника. Михель никогда не жалел о времени, проведенном среди заблудших людей, и благодарил Господа за то, что мог принести им свет. Особенно тем из них, что были самыми презираемыми овечка-

ми, изгнанными в пустыню, где они погибли бы от жары и жажды.

Михелю стало понятным, для чего Иисус Христос пришел в этот мир. Он пришел спасти заблудших овец, обреченных на гибель. Он отдал Свою жизнь за них и любил в них не то, чем они были, — ибо Бог никогда не может полюбить грех, — но только то, чем они станут.

Глава 23

Между тем отношения в семье Лани все ухудшались, хотя никто вокруг этого не замечал. В собственном доме Мартин чувствовал себя чужим. Всякий раз сравнивая свою жизнь с жизнью Томаса и Евы, он чувствовал, что у него выступают слезы на глазах. Как бы хотелось и ему начинать день с чтения Слова Божьего и молитвы! Но в доме не было покоя. Стоило ему раскрыть Библию, как Анна брала на руки ребенка, о котором потом забывала на весь день, работница распахивала двери, и в комнату забегали куры. И так всегда что-то

мешало. К вечеру все уставали, начинали громко зевать и готовы были уснуть под чтение.

В доме царил хаос. За малышкой Анна не следила, и Мартин все чаще брал девочку с собой на мельницу, где Ева сразу купала ее и причесывала. Иногда Ева оставляла ребенка с няней у себя на два-три дня. Возвращались они всегда чистыми и опрятными. Но Анна этого не замечала. Ей хотелось только самой наряжаться, а об остальных она не заботилась. Йозеф стал часто бывать в кабаке. В воскресенье он уходил на всю ночь и к утру был не в состоянии работать. Мартин ломал голову над тем, как все это объяснить. Ему было невдомек, что Йозеф мучился ревностью, а Анна мстила ему за то воскресенье, когда он сказал ей, что она недостойна идти на причастие. Йозеф требовал доказательств любви и, изнемогая от страсти, искал забвения в разгуле. Как терзался Йозеф всякий раз, когда Анна была мила с мужем, что случалось теперь нередко! Если бы Мартин догадывался об этом, ему не захотелось бы ласки. Но он радовался нежности жены, хотя не был

счастлив, ведь она так и не обратилась к Богу. Все старания Мартина были напрасны. Часто приходила мельничиха проведать дочь, и тогда пересудам не было конца. И беда, если Мартин пытался за кого-нибудь заступиться!

Напрасно надеялась мельничиха, что сын позовет ее обратно. Однажды, так и не дождавшись приглашения, она сама отправилась на мельницу. И не узнала прежнего своего дома! Она стала упрекать сына, оскорбляла Еву. Немалых сил стоило Томасу сдержаться и не выгнать мать. В конце концов он попросил ее забрать все свои вещи и больше никогда не приходите на мельницу.

— Ты хочешь вести безбожную жизнь и снова превратить мой дом в ад. Мы начали служить Богу и останемся Ему верны. Расстанемся в мире, — сдерживая себя, проговорил Томас.

И мать с сыном расстались. Мельничиха, исполнив обещание, унесла все, что только могла. Ни стула, ни ложки не осталось в доме. Одну корову она все же оставила. Томас выдержал испытание веры. Так Бог освободил его от жадности. И, словно на удивление, ему

стали привозить как никогда много зерна на помол. Торговля мукой шла очень успешно, и к осени Томас отдал матери ее долю, а остального хватило до следующего урожая. Неожиданно для всех из сиротской кассы Еве выплатили оставшуюся часть приданого, из-за которого она столько выстрадала. Как пригодились теперь эти средства молодым Зарадски!

В доме Томас с Евой все устроили по своему вкусу. Томас полюбил жену всем сердцем и теперь согласился бы даже на поденщину, лишь бы только быть с ней вместе. Соседи осуждали мельничиху за то, что она так обошлась с сыном. И теперь, когда дела молодых поправились, радовались вместе с ними. Больше всех радовался за друзей Мартин Лани. Он хотел было помочь Томасу деньгами в трудное время, но Бог Сам помог. И это было так чудесно!

Наступила осень. Опустели поля, в лесах смолкло пение птиц. Созрели фрукты и овощи, а из амбаров доносился стук цепов. У крестьян был разгар работ в это время, многие переутомлялись и заболевали. Так случи-

лось и с Мартином. Сначала заболело горло, а потом стало ломить и все тело. Врач, которого позвала Анна, прописал лекарство и лечебный чай. Заверив, что воспаление легких не сильное, он пообещал через два-три дня поставить Мартина на ноги. Но Мартину становилось все хуже. На третий день, когда его пришли проведать Томас с Евой, Мартин лежал в забытьи. Анна готовила для молотильщиков обеда и не могла сидеть около больного. Ева решила остаться на ночь. Она почувствовала, что Анне это неприятно, но не подала виду. Взяв маленькую Анечку на колени, она стала рассказывать ей библейские истории и учить молиться. Мартин во сне то и дело морщился от боли. Наконец он открыл глаза.

— Ева, ты здесь? — обрадовался он.

— Мартин, как ты себя чувствуешь? — спросила Ева, участливо взяв его за руку.

— Мне все хуже, — еле слышно сказал он.

Ева испугалась.

— Бог даст, пройдет, — попыталась она ободрить Мартина. — Что у тебя болит, горло или грудь?

— Горло уже не болит, и в груди боль проходит, но в животе временами такие боли, что кажется, все внутри разрывается. То в холод, то в жар бросает.

Он печально посмотрел вокруг и остановил взгляд на дочери.

— А врач приходил? — все больше волнуясь, спросила Ева.

— Нет, но Йозеф принес лекарство и сказал, что врач придет завтра. Анне я не сказал, как себя чувствую, но ему скажу. Боли порой невыносимые.

Ева отерла пот с его лба. Мартина стало знобить.

— Что ты сегодня ел?

— Мне давали говяжий суп, но есть совсем не хотелось. И кофе приносили, но я не смог пить. Кажется, будто желудок зажат в тиски, — Мартин снова поморщился от боли.

— Давай помолимся, чтобы Господь тебе помог, — Ева была не в силах смотреть на мучения Мартина.

— Это хорошо, Ева, помолись со мной, чтобы Господь дал мне терпение все вынести,

чтобы Он Сам пронес меня через темную долину смерти.

— Но ты же не умираешь, — плача, проговорила Ева.

— Я знаю, Ева, что умру. Я чувствую, что мне никто не поможет. Ты не плачь, лучше молись, ведь моя душа нашла Спасителя. Я у Него найду утешение, которое напрасно искал на земле. Бог мой, молю Тебя, кровью Иисуса Христа очисти меня!

От слабости он смолк, но слышал, о чем молилась Ева, и, когда она замолчала, внятно сказал: «Аминь!»

Мартин заснул, и Ева, положив малышку в колыбель, вышла к Анне. Молотильщики уже пообедали, выпив при этом немало вина. Из амбара доносился их громкий смех. Анна тоже была с ними, разделяя всеобщее веселье. «Если бы Томас был болен, не было бы мне покоя, а Анна даже смеется!» — подумала Ева. Ее охватил страх. «Душа моя нашла Спасителя, у Него я найду утешение, которое напрасно искал на земле», — звучало у нее в ушах. «Не лучше ли было бы для Мартина,

если бы Господь взял его к Себе? Ведь не было для него никакой радости в семье...»

Ева посмотрела на звездное небо. Звезды были так далеко! Если Мартин уйдет, она потеряет больше, чем брата, но ему будет там хорошо. Если бы у нее не было сейчас Томаса, она тоже с радостью пошла бы домой, в дом Отца.

— Это ты, Ева? — раздался рядом с ней голос Йозефа. — Что ты здесь делаешь?

— Я жду Анну, хочу сказать ей, чтобы она поскорее шла к Мартину.

— А почему? Он просит об этом? — спросил испуганно Йозеф.

— Нет, но ему плохо.

— Плохо? Как? Ведь врач уверял, что нет ничего опасного.

— Врач мог ошибиться.

— Я пойду к рабочим и pošлю Анну к нему. А ты идешь домой?

— Я подожду, пока Томас за мной придет.

Ева вернулась в комнату. Скорчившись на постели, Мартин спал. «Может быть, ему лучше, — утешала себя Ева. — Если он умрет, что здесь будет? Как он всегда расстраивался,

что у него в доме не так чисто, как у нас. Из этой грязи он попадет туда, где вечная чистота, свет и мир». Когда-то Мартин рассказывал, что с самого детства отец заставлял его работать. Мать Йозефа жалела своего сына, но Мартину приходилось работать за двоих, пока другие дети играли. Он все выполнял безропотно. Но теперь всегда говорил, что детей нельзя нагружать непосильным трудом, не думая о спасении души. «Он на небе отдохнет, — думала Ева, глядя на измученного друга. — Но если эти руки перестанут трудиться, у Лани все пойдет вкривь и вкось. Тогда все поймут, что потеряли с уходом Мартина».

Глава 24

В комнату шумно вошла Анна. Но заметив, что муж спит, она осторожно подошла к постели и склонилась над ним.

— Ты думаешь, он больше не встанет? — спросила она со вздохом Еву.

— Он сам думает, что умрет...

— Когда он это сказал, почему? — спросила Анна испуганно.

— У него страшные боли. Смотри, как он дрожит и как потеет. Может быть, ему дать что-нибудь для желудка?

— Сейчас я согрею и принесу ему что-нибудь.

Ева заметила, что Анна не на шутку перепугалась. Вскоре она вернулась с грелкой и пошла приготовить лекарство. Вошел Йозеф и, подойдя к постели брата, посмотрел на него странным взглядом. Мартин мешал ему, в последние дни он его просто возненавидел. Если бы брат теперь умер, он никогда бы не узнал, как они его обманывали. Анна была бы свободна. Он добился бы, чтобы она стала его женой, и отомстил бы за то, что вытерпел из-за нее. Йозеф не жалел брата. Со смертью Мартина исчезло бы все, что мешало его счастью. И если эти уста навсегда сомкнутся, никто никогда не сможет обличить и наказать. Ведь умереть рано или поздно всем придется.

Если бы Ева могла читать мысли Йозефа, она устрасилась бы его жестокости. Но она

ни о чем не догадывалась, и, может быть, это было к лучшему.

Пришел Томас, и Ева попросила оставить ее с Мартином на ночь.

— Оставить тебя здесь одну? — испугался он. — Мы вместе останемся, Георг и Кэтхен сами управятся.

Мартин вдруг проснулся.

— Йозеф, ты здесь? — оглянулся он.

— Да, чего тебе?

— Ты помнишь, как мы свалили в лесу дерево? Я тебе тогда говорил, что мы такие же деревья. Меня смерть уже свалила, хоть я еще молод. Ты тоже молод, но помни о моей смерти. Если бы я не знал, куда иду, я был бы погибшим. Небесный виноградарь, Иисус Христос, молился за меня, потому что знал, что я уже скоро буду свален. Когда приду к Нему, я буду благодарить Его за это. Но ты на гибельном пути. Ты уже мог бы жениться. С Анной вы всегда так ладили, что даже люди стали мне плохое говорить о вас. Но я им не верил. Как я мог верить такому! Но вы поженились, когда меня уже не будет. И прошу

тебя, Йозеф, не обижай мою маленькую дочь...

— Не беспокойся... — ответил Йозеф, — мы ее не обидим.

Йозеф опустился на колени у постели брата. «Мартин все чувствовал, но не хотел этому верить. Он был слишком добр и верил нам. А мы его так подло обманывали!»

— Йозеф, ты женишься на Анне, если она согласится? — Мартин положил руку ему на голову.

— Да, я возьму ее, — простонал тот. — Об Анечке не заботься, всю твою долю отдадим ей. Но, — добавил он, задыхаясь от слез, — ты не должен еще умереть!

— А где Анна? — Мартин оглянулся. — У нее нет времени побыть со мной...

— Она пошла приготовить лекарство, — сказала тихо Ева.

— Ты здесь, Ева, — он благодарно улыбнулся ей. — Спасибо Богу, что Он послал тебя в наш дом, что ты заставила меня задуматься о мой жизни. Путь, который я избрал, очень тесен. Молитесь за меня, чтобы я благополуч-

но перешел туда, к твоей доченьке, к Господу Иисусу Христу. Ах, мое сердце!..

Мартин вздрогнул и упал на руки Томаса.

— Чем Анна там занята, что же она не идет? — волновался Томас.

В кухне Анна следила за кипящими травами. Когда отвар был готов, она процедила его и смешала с лечебным чаем. Бросив оставшиеся травы в огонь, она стала ждать, пока приготовленный напиток остынет. Нужно было, чтобы муж выпил все сразу. После этого он уснет навсегда. Знай Анна, что он будет так страдать, она бы сделала отвар погуще.

За неделю до болезни, осуждая беспорядочную жизнь Йозефа, Мартин сказал: «Лучше бы он женился на порядочной девушке, тогда бы привык к дому». Анна покраснела. «Не стала бы я жить с женой Йозефа под од-

ной крышей!» — невольно вырвалось у нее. Странно посмотрев на жену, Мартин пошел к дому, не сказав больше ни слова. Весь день он не разговаривал с Анной и лег спать без ужина. На другое утро он снова был приветлив, но о женитьбе Йозефа больше не заговаривал. Анна поняла, что выдала себя.

Если бы Мартин стал настаивать на женитьбе брата, Йозеф, наверное, сделал бы это назло Анне. Жизнь с Мартином уже прежде наскучила ей, а теперь, когда он обратился к Господу, и вовсе не было житья. Он все чаще стал одергивать ее, говоря: «Это не по-христиански». Жить так дальше было невозможно. И вот он заболел. Тут-то и зародилось в сердце Анны страшное желание. Она вспомнила, что от колдуньи приносила ядовитые травы. Не дав воли сомнениям, она заварила травы и вылила отвар в целебный чай. Анна ожидала, что, выпив чаю, муж заснет и больше никогда не проснется. Но отвар оказался слабым. Правда, Мартин сказал, что, как только выпил чай, ему сделалось нехорошо. Не долго думая, Анна еще раз заварила травы. С опаской взглянув на чай, Мартин все

выпил. Ему становилось все хуже. «Завтра должен прийти врач, а если он что-нибудь заметит? А вдруг еще и спасет? Что тогда будет со мной? — терзалась Анна. — Нет, ему уже не помочь, он все равно должен умереть. Значит, чем раньше, тем лучше! Зачем ему страдать?.. Он уснет, и все будет хорошо! И я не услышу больше его стонов...»

У Анны дрожали руки, от страха выступил пот на лбу. Нервно оглядываясь по сторонам, она понесла Мартину остатки яда. «Хорошо, что около него столько людей и мне не нужно быть с ним наедине. Но подать питье придется самой... Нет, пусть Ева напоит его».

Анна открыла дверь, и в комнату вбежал пес, едва не сбив хозяйку с ног. Еще немного и она опрокинула бы чашку. Ей казалось, все знают о том, что было у нее в руках.

— Что ты так долго делала? Мартин тебя ждет не дождется, ему совсем плохо, — встретил ее укором Томас. — Давай скорей лекарство, может, ему станет легче!

Сердце Анны забилося еще сильнее. Томас взял у нее чашку и приподнял голову Мартину:

— Выпей это. Тебе станет легче.

— Не хочу, — слабым голосом ответил Мартин.

— Почему ты не хочешь? — ласково спросила Ева. — Бог даст, тебе станет легче, если согреешься внутри...

Мартин улыбнулся ей.

— Хорошо, пусть Анна сама напоит меня, — сказал он, глядя на жену.

Анне хотелось провалиться сквозь землю. Но назад пути не было. Она взяла чашку из рук Томаса и поднесла ко рту мужа. Он выпил все, не говоря ни слова. Потом взял жену за руку. И таким голосом, который никто потом не мог забыть, сказал:

— Прости, что против твоей воли женился на тебе. Это был грех. Но я тебя очень любил, и мне в последнее время казалось, что и ты меня любишь. Но сердцу не прикажешь. Я было подумал недоброе, да простит меня Господь за это! Прости и ты меня! Во всем есть и моя вина. Вы оба, Йозеф и ты, еще так молоды, женитесь после моей смерти. Зарадски будут свидетелями, что я просил вас об этом. Я всех прощаю. Йозеф, иди сюда скорее!..

Мартин взял руки брата и жены в свои холодеющие руки:

— Я прощаю и благословляю вас. Может быть, Анна с тобой будет счастливее, чем со мной!

Йозеф, рыдая, бросился на грудь смолкшего брата, а Анна молча склонилась у его постели. Пришла смерть, которую она сама призвала. Злодеяние свершилось. Вдруг Йозеф услышал, как брат с трудом прошептал:

— И все же в напиток была смерть... Боже мой, зачем Ты меня оставил? Прости ей этот грех, и я ее прощаю...

Ева расслышала эти последние слова.

— Господь Иисус Христос проводит тебя через долину смерти, Мартин. Он не оставит тебя, не бойся! — утешала она, целуя влажный лоб и бледные щеки друга.

По телу Мартина пробежала дрожь. Он снова открыл глаза и взглянул на Еву.

— Иисус Христос, помоги! Возьми меня скорее к Себе! Мне больно от этого предательства!.. — выдохнул Мартин последние слова и смолк.

Скорбному плачу вторил пес, жалобно воя. Заплакала, проснувшись, Анечка. Она, как обычно, звала отца. Бедная сиротка, кто тебе теперь заменит его?

Глава 25

Прошли осень и зима. Снова слышалось пение птиц, и долина в своем майском наряде вновь напоминала рай. Здесь жили примиренные Богом Томас и Ева. Господь благословил их. У них родился сын, чудный малыш, сокровище счастливого отца.

Воскресным вечером Томас и Ева с уснувшим сыном на руках сидели у плотины и вспоминали Божьи благословения. Георг и Кэтхен поженились и хотели до конца жизни остаться у Зарадски, чтобы служить не только хозяевам, но и Богу. Георг теперь умел читать, и Кэтхен еще многому научила его. В этот вечер старики Мурани пришли рассказать, что их сын с женой уже на пути к родителям. И хотя они собирались приехать ненадолго, старики были счастливы.

Ева окрепла, хотя все еще была худенькой, и стала удивительно обаятельной. Томас тоже очень изменился, в лице его теперь всегда было умиротворение. Георг светился любовью и счастьем, и Кэтхен не могла ему порадоваться. Лишь о Мартине печалились друзья. Но они знали, что он там, где солнце не заходит, где Агнец будет пасти его и питать живой водой. Смерть его для них была покрыта тайной. Многое станет ясным лишь в великий день, когда откроется Книга жизни...

Глава 26

Никого не удивило то, что Анна вышла замуж за Йозефа. Станным казалось лишь ее траурное платье, в котором она ходила до конца масленичной недели.

— Но Йозеф не Мартин, — говорили в селе, — теперь ей придется жить по-другому.

Так и случилось. Помня, что Анна была неверна Мартину, Йозеф теперь и сам не доверял ей, постоянно ревнуя. Когда ему казалось, что ревность не беспричинна, он бил

Анну. Мучило его и подозрение, что Анна отравила Мартина. Но об этом узнать было невозможно. Лишь теперь бывшие любовники узнали, что желанный плод был горьким.

С новым хозяином в доме Лани все изменилось. Там, где Мартин просил, Йозеф бранился. Где Мартин показывал пример — Йозеф кричал и приказывал. Кричал он и на Анну. Работать ей теперь приходилось гораздо больше, и она уже не ходила разряженной по селу.

Хотя в доме стало чище, никогда здесь больше не звучали песни и не читалось Слово Божье. Все стало иным. Что сказал бы Мартин, если бы вернулся в свой дом? Стала бы Анна искать у него защиты? Нет, никогда! Она уже жалела, что вышла замуж за Йозефа, и проклинала тот час, когда предала Мартина. Но у груди доброго, убитого мужа ей не было бы покоя. Всего несколько месяцев прошло после смерти Мартина, но Анна заметно постарела. Даже мельничиха, приходившая иногда защитить дочь от жестокости Йозефа, ужасалась. Да и как ей было не постареть, когда каждую ночь она видела во сне в муках

умирающего Мартина? И не было никого, кому она могла бы довериться!

Страшно стоять перед судом и при всех признавать свою вину. Но во сто крат ужаснее тайный суд, когда нераскаявшийся грешник не смеет пошевелиться, чтобы не выдать себя. В муках он идет навстречу вечному осуждению. Мартин был отмщен. Маленькую Анечку ранней весной Иисус взял к Себе. Она теперь была со своим отцом. Над их могилами тихо шелестели листья, словно говоря: *«Овцы Мои слушаются голоса Моего... и Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей»*¹. *«Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»*².

¹ Ин. 10:27,28.

² Лк. 19:10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От издателей</i>	3
<i>Т. Лимаренко. Дорога в Небо.</i>	
Вступительная статья	5
<i>Принятые в книге сокращения</i>	11
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	62
Глава 8	74
Глава 9	82
Глава 10	87
Глава 11	92
Глава 12	99
Глава 13	102
Глава 14	111

Пропащие

Глава 15	118
Глава 16	121
Глава 17	124
Глава 18	129
Глава 19	132
Глава 20	136
Глава 21	141
Глава 22	145
Глава 23	151
Глава 24	159
Глава 25	168
Глава 26	169

Детский христианский журнал
«ТРОПИНКА»

красочный и интересный
выходит 6 раз в году
распространяется по подписке

**Каждые два месяца
в новом номере «Тропинки»:**

- истории из Библии;
- детские стихи и песни;
- кроссворды и загадки;
- поучительные истории из жизни;
- рассказы о жизни в библейские времена;
- письма, стихи и другие творческие работы читателей.

Если Вы хотите выписывать «Тропинку», пришлите свою заявку по адресу:

СОМХМ, а/я 1039,
г. Владикавказ,
Россия, 362003.

(Подписчик
оплачивает
только почтовые
расходы.)

*До встречи на
страницах журнала
«Тропинка»!*

«ВЕРА И ЖИЗНЬ»

*Журнал миссионерского союза
«Свет на Востоке»*

выходит 6 раз в году
распространяется по подписке

Читайте в журнале:

- проповедь;
- свидетельство;
- интервью;
- стихи молодых авторов;
- вести с миссионерских полей;
- письма читателей;
- ответы на вопросы читателей,
а также кроссворды и викторины

Если Вы хотите выписывать «Веру и жизнь», пришлите свою заявку по адресу:

СОМХМ, а/я 1039,
г. Владикавказ,
Россия, 362003.

(Подписчик
оплачивает
только почтовые
расходы.)

*До встречи на
страницах журнала
«Вера и жизнь»!*

ЧИТАЙТЕ
В НОВОЙ СЕРИИ КНИГ
Кристины Рой

И стал Свет! (Автобиография)

Счастье

Мальчик-рыбак из Галилеи

С ним был Бог

В надежных руках

Пробуждение

Пропавшие

Вновь обретенный рай